

ВИКТОР МАЛАШЕНКОВ

ИЕРОГЛИФЫ НАОБОРОТ

Виктор Малашенков

Иероглифы наоборот

<https://litres.ru/74370222>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если некоторые тайны прошлого были спрятаны не случайно?

Древние рукописи, забытые монастыри, таинственные пещеры, исчезнувшие поселения и артефакты, которым не место в современном мире. Герои этих рассказов отправляются на поиски исторических загадок — и обнаруживают то, что история предпочла забыть.

Археологи находят древние печати, способные удерживать нечто, чему нельзя позволить проснуться. Исследователи сталкиваются со следами цивилизаций, существование которых невозможно объяснить. В старых подземельях обнаруживаются механизмы, открывающие двери между мирами. А там, где люди исчезают без следа, иногда остаётся только предупреждение: не ищите, не слушайте, не открывайте.

Это сборник мистических рассказов о запретном знании, древних силах и встречах с неизвестным. О местах, которые лучше обходить стороной, и тайнах, которые способны пережить тех, кто их хранит.

Потому что некоторые двери действительно лучше не открывать. Особенно если неизвестно, кто ждёт по ту сторону.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виктор Малашенков

Иероглифы наоборот

Глава

Иероглифы наоборот

Книга I. Открытие

Глава 1 . Доктор Амира Хассан

Доктор Амира Хассан вытерла пот со лба, оставив на коже красноватый след пустынной пыли. Сорок три градуса в тени, а тени не было уже четыре часа. Но сейчас жара не имела значения.

— Амира, ты должна это увидеть, — голос Александра Коллинза дрожал от возбуждения, что было непривычно для флегматичного англичанина.

Она спустилась по шаткой лестнице в раскоп. То, что они нашли три дня назад, казалось очередным тупиком — обвалившийся проход, который вел в никуда. Но сегодня рабочие пробили последний слой известняка.

За ним оказалась дверь.

Не просто дверь — массивная каменная плита без единого картуша, без имени, без царских печатей. Только один знак, высеченный наспех, словно предупреждение: анкх, перевернутый вниз головой. Символ жизни, превращенный в

символ смерти.

— Это невозможно, — прошептала Амира, проводя пальцами по камню. — Здесь, в Долине Царей... безымянная гробница?

— Не просто безымянная, — Александр направил фонарь на края двери. — Посмотри на печати. Это не церемониальная изоляция. Это... заключение.

Амира присмотрелась. Он был прав. Семь слоев воска, семь разных печатей, наложенных одна поверх другой. Она видела такое лишь однажды — в документах о гробницах еретиков, тех, чьи имена стирались из истории.

— Вскрываем? — голос Александра звучал неуверенно.

Амира колебалась лишь секунду. Вся её жизнь вела к этому моменту. К открытию, которое могло переписать историю.

— Вскрываем.

Потребовалось два часа, чтобы аккуратно разобрать древнюю каменную кладку вокруг двери. Когда последний блок убрали, в раскоп ворвался воздух — застоявшийся, сухой, пахнувший тысячелетиями.

Амира первой шагнула внутрь.

Луч её фонаря выхватил из темноты стену. И она ахнула.

Иероглифы. Тысячи иероглифов, покрывавшие каждый дюйм стен от пола до потолка. Но что-то было не так. Её обученный глаз сразу уловил аномалию.

— Александр, — её голос эхом разнёсся по пустой камере,
— они написаны задом наперёд.

— Что?

— Справа налево вместо слева направо. Это... это зеркальное письмо.

Она подошла ближе, водя фонарем по строкам. В обычном египетском письме знаки "смотрели" в начало строки. Здесь всё было наоборот. Словно кто-то хотел, чтобы слова читались отражением.

Или не читались вовсе.

Александр присоединился к ней, его дыхание участилось.

— Можешь перевести?

Амира прищурилась, её губы беззвучно шевелились, пока она разбирала перевёрнутые символы. Первая строка. Вторая. Затем третья — и кровь застыла в её жилах.

— "Не читай дальше..."»

— Что?

Она сглотнула, продолжая:

— "Не читай дальше. Мы запечатали его здесь. Он слышит слова».

Повисла тишина. Где-то в глубине гробницы капала вода — невозможный звук в этом мёртвом месте.

— Это... предупреждение? — Александр попятился. — Амира, может, нам стоит...

— Стоит что? Прекратить работу из-за древних суеверий? — но в её голосе не было прежней уверенности. — Это ар-

хеологическое открытие века. Запечатанная гробница, зеркальные тексты... Кого они здесь похоронили? И почему так испугались?

Она не могла остановиться. Фонарь скользил по стенам, выхватывая новые строки. Имя. Ей нужно было найти имя.

— Смотри, — Александр указал на дальнюю стену. — Там что-то ещё.

В конце камеры стоял саркофаг. Простой, без украшений, из чёрного базальта. Крышка была приоткрыта — не полностью, лишь на несколько дюймов. Достаточно, чтобы заглянуть внутрь.

Достаточно, чтобы выпустить.

— Не подходи, — Амира схватила Александра за руку, но сама не могла отвести взгляд. Что-то тянуло её к саркофагу. Необъяснимое, первобытное желание посмотреть, узнать.

— Амира, там... там что-то шевелится, — голос Александра превратился в хрип.

Невозможно. Абсурд. Но тени в щели саркофага действительно двигались, словно что-то внутри...

Громкий треск — и один из прожекторов за их спиной погас.

— Выходим. Сейчас, — Александр дёрнул её к выходу.

Они выбрались из гробницы, когда погас второй прожектор. Затем третий. Тьма наступала, поглощая раскоп, словно живая, голодная.

Последнее, что увидела Амира, прежде чем они выбежа-

ли на поверхность — это иероглиф на внутренней стороне двери. Огромный, нацарапанный в отчаянии:

«Он проснулся».

Глава 2. Первая ночь

Лагерь экспедиции состоял из пяти палаток, расположенных полукругом вокруг импровизированной столовой. Восемнадцать человек — археологи, рабочие, повар, охранник. Обычная ночь в Долине Царей должна была быть тихой, наполненной лишь звуками пустыни и редкими голосами дежурных.

Эта ночь была другой.

Амира не могла уснуть. В голове крутились иероглифы, зеркальные строки, предупреждения. «Он слышит слова». Что это значило? Кто слышит? И что происходит, когда кто-то читает дальше?

Она перечитывала свои заметки при свете походного фонаря, когда услышала это.

Шаги.

Медленные, размеренные, словно кто-то ходил по лагерю. Хруст песка под тяжёлыми ногами. Она прислушалась. Шаги шли по кругу, обходя палатки, приближаясь и удаляясь.

Но в них было что-то неправильное. Ритм. Слишком медленный для живого человека. Слишком тяжёлый.

Амира выглянула из палатки. Лунный свет заливал лагерь серебром. Никого. Песок был девственно чист — ни единого

следа.

Но шаги продолжались.

— Ты тоже слышишь? — хриплый шёпот заставил её вздрогнуть. Александр стоял у своей палатки, бледный, с широко распахнутыми глазами.

Амира кивнула. Шаги обходили лагерь снова и снова, невидимый часовой, считающий своих жертв.

— Это... это не может быть реальностью, — прошептал Александр.

— Пойдём проверим, — Амира схватила фонарь, но он остановил её.

— Ты с ума сошла? После того, что мы видели в гробнице?

— Должно быть рациональное объяснение.

— Рациональное? Амира, тени в саркофаге двигались. Свет гас сам по себе. И теперь мы слышим шаги невидимого человека!

Шаги остановились.

Тишина была оглушительной. Они смотрели друг на друга, затаив дыхание.

А потом, тихо, так тихо, что Амира сначала подумала, что ей померещилось — раздался голос. Древний, сухой, как будто говорящий не произносил ни слова три тысячи лет:

— **Вы... прочитали... слова...**

Фонарь выпал из рук Амиры. Лагерь погрузился во тьму. И в этой тьме что-то начало двигаться к ним.

Глава 3. Голос из тьмы

Амира не помнила, как оказалась прижатой спиной к холщовой стене своей палатки. Сердце билось так громко, что, казалось, эхо разносилось по всей пустыне. Александр застыл в нескольких шагах от неё, его силуэт едва различим в лунном свете.

Голос не повторялся. Но присутствие оставалось — тяжёлое, давящее, словно воздух сгустился в невидимую массу.

— Амира, — губы Александра беззвучно сформировали её имя. — Не двигайся.

Она видела это теперь. Тень. Неправильная, слишком длинная тень легла через центр лагеря, хотя луна висела прямо над ними. Тень без источника. Тень, которая медленно поворачивалась, словно голова на невидимой шее, исследуя палатки одну за другой.

«Он ищет того, кто читал».

Мысль пришла ниоткуда, но Амира знала, что это правда. Знала с той же первобытной уверенностью, с какой животное знает о приближении хищника.

Тень остановилась напротив палатки Амиры.

— Ты...

Голос был ближе теперь, прямо перед входом. Амира зажала рот рукой, чтобы не закричать. Ткань палатки начала прогибаться внутрь, словно невидимые пальцы ощупывали её, искали способ проникнуть.

«Я прочитала слова. Я произнесла их вслух».

— **Ты освободила меня...**

Внезапно раздался крик. Пронзительный, полный ужаса. Один из рабочих, Махмуд, выбежал из своей палатки, его глаза были безумны.

— Оно внутри! Оно в моей голове! Я слышу... я слышу имена! Тысячи имён!

Он схватился за голову, упал на колени. И начал говорить. Но это был не арабский. Не английский. Древнеегипетский, коптский диалект, язык, мёртвый уже полторы тысячи лет, лился из его губ непрерывным потоком. Амира понимала лишь отдельные слова:

"...проклятый... пожиратель имён... забытый бог..."»

Тень развернулась к Махмуду. И тогда Амира увидела *это*.

В центре тени сформировалась фигура. Высокая, неестественно худая, с удлинённым черепом. Руки были слишком длинными, пальцы заканчивались чем-то, похожим на когти. Но ужаснее всего было лицо — вернее, его отсутствие. Там, где должно было быть лицо, зияла пустота, чернота, которая поглощала даже лунный свет.

— **Он говорит мои имена,** — существо наклонилось над Махмудом. — **Он возвращает мне силу...**

— Нет! — Амира сама не поняла, откуда взялась смелость. Она выскочила из палатки, схватила ведро с водой и плеснула в фигуру.

Раздался звук, похожий на шипение раскалённого метал-

ла. Существо отшатнулось, его форма задрожала, начала расплываться.

— **Вода... священная вода...**

— Это не священная вода, — выдохнула Амира, — это просто...

Но существо исчезло. Растворилось в воздухе, оставив лишь странный запах — ладан и разложение.

Махмуд рухнул на песок без сознания.

Глава 4. Откровение

К утру собралась вся экспедиция. Махмуд лежал в импровизированном лазарете, в бреду, что-то пытаясь выговорить на мёртвом языке. Трое рабочих собрали вещи и ушли ещё до рассвета, не взирая на уговоры и угрозы.

Амира сидела в столовой палатке, окружённая раскрытыми книгами и ноутбуком. Глаза горели от усталости, но она не могла остановиться. Она должна была понять.

— Нашла что-нибудь? — Александр поставил перед ней чашку крепкого чая.

— Больше, чем хотела, — она развернула один из древних манускриптов, который привезла из Каирского музея. — Помнишь, я говорила о еретиках? О тех, чьи имена стирались из истории?

— Да.

— Был один фараон. Правил параллельно с фараоном Сети Вторым. Всего около четырех лет. Но о нём нет ни одной

записи. Ни картушей, ни статуй, ни упоминаний. Словно его никогда не существовало.

— *Damnatio memoriae*, — кивнул Александр. — Римляне тоже так делали.

— Но египтяне верили, что имя — это власть. Без имени нет существования. Ни в этом мире, ни в следующем. — Амира постучала по экрану ноутбука. — Я нашла упоминание в фивских папирусах. Фрагмент. Его называли Неферкара-Шепсес, но это не настоящее имя. Это... насмешка. "Прекрасный дух, который становится благородным».

— И?

— Он был жрецом бога Атума. Не фараоном по рождению. Он захватил власть через ритуал. — Голос Амиры дрогнул. — Ритуал, который позволял *слышать истинные имена*.

Александр побледнел.

— Истинные имена?

— Египтяне верили, что у каждого человека есть тайное имя, данное при рождении богами. Узнать его — значит получить абсолютную власть над этим человеком. — Она посмотрела на Александра. — Он мог слышать эти имена. Всех. И использовал их, чтобы подчинить армию, жрецов, весь Египет.

— Боже...

— Но что-то пошло не так. Ритуал изменил его. Он начал слышать слишком много. Имена живых, мёртвых, нерождённых.

ных. Они заполнили его разум, свели с ума. Он стал одержим идеей узнать *все* имена. Включая имена богов.

— И что случилось?

Амира перевернула страницу. Там был рисунок — грубый, нацарапанный дрожащей рукой. Фигура с пустым лицом, окружённая сотнями маленьких символов.

— Жрецы восстали. Провели обратный ритуал. Стерли его имя из всех записей. Запечатали в гробнице с зеркальными текстами — чтобы даже случайный читатель не смог произнести настоящее заклинание. И добавили предупреждение.

— "Не читай дальше. Он слышит слова».

— Верно. Потому что, если кто-то читает текст, произносит хоть одно имя вслух... — она замолчала.

— Ты произнесла предупреждение вслух, — прошептал Александр. — Когда переводила. Ты сказала: "Мы запечатали его здесь».

— Я знаю.

— Тогда ты дала ему связь. Путь в наш мир. — Он схватил её за плечи. — Амира, что нам делать?

Она посмотрела на манускрипт. На последние строки, едва различимые.

— Есть способ. Один способ запечатать его обратно. Но для этого нужно...

Она не успела закончить. Снаружи раздался вопль.

Они выбежали из палатки — и замерли.

Над лагерем, над гробницей, над всей Долиной Царей поднимался столб тьмы. Чёрный вихрь, тянущийся от раскопа к небу. И в этом вихре кружились тени — сотни, тысячи теней, принимающих человеческие формы.

А из гробницы, медленно, словно пробуждаясь после тысячелетнего сна, выходило *оно*.

Фигура была выше человека, обтянутая высохшей кожей, испещрённой шрамами от стёртых татуировок. Пустое лицо повернулось к лагерю. И рот — ужасный, слишком широкий рот — открылся.

— **Я слышу вас,** — голос эхом разнёсся по долине. — **Я слышу ваши имена. Амира дочь Юсуфа. Александр сын Роберта. Махмуд сын Ахмеда.**

С каждым произнесённым именем один из людей в лагере замирал, словно невидимые нити оплетали его тело.

— **Вы освободили меня. Теперь вы принадлежите мне.**

Амира чувствовала, как что-то сжимается вокруг её горла. Не физически — глубже, на уровне самой её сущности. Её имя больше не было её собственным.

«Нет. Нет. Должен быть способ».

Она посмотрела на манускрипт, который всё ещё держала в руке. Последние строки. Там была подсказка, она знала это.

"Чтобы запечатать Пожирателя Имён, нужно то, что у него отняли. Нужно дать ему обратно его истинное имя — и забрать силу навсегда».

Его истинное имя.

Амира посмотрела на существо. На зеркальные иероглифы, которые она видела в гробнице. И вдруг всё сложилось.

— Александр, — её голос был хриплым, но твёрдым, — мы должны вернуться в гробницу.

— Ты с ума сошла? Я двинуться не могу...

— Его имя там. Написано задом наперёд, зеркально, чтобы никто не смог прочитать. Но если прочитать правильно...

— Мы дадим ему ещё больше силы!

— Или отнимем всю. — Она посмотрела ему в глаза. — Риск есть. Но это наш единственный шанс.

Существо приближалось. Ещё минута — и оно дойдёт до лагеря.

Александр выругался.

— Бежим.

Глава 5. В сердце тьмы

Спуск в гробницу во второй раз был ещё страшнее. Амира и Александр едва плелись по каменным ступеням, освещая путь фонарями. За их спинами раздавались крики — люди, чьи имена существо уже узнало, начинали превращаться в его марионеток.

— Сколько у нас времени? — выдохнул Александр.

— Достаточно. Надеюсь.

Они ворвались в погребальную камеру. Стены с зеркальными иероглифами окружали их со всех сторон. Саркофаг

стоял пустой, его крышка была полностью сдвинута.

— Где? Где его имя?

Амира водила фонарём по стенам, её обученный взгляд выхватывал строки, расшифровывал, отбрасывал. Там была история его жизни, написанная жрецами. Там были проклятия. Предупреждения. Но имени не было.

«Подумай. Где бы они спрятали самое важное?»

Её взгляд упал на саркофаг.

— Внутри, — прошептала она. — Оно внутри саркофага.

Она подошла к саркофагу, заглянула внутрь. Дно было покрыто тем же зеркальным письмом. Но эти иероглифы были другими — вырезанными глубже, заполненными золотом, которое тускло мерцало в свете фонаря.

Имя. Истинное имя.

— Амира, оно идёт сюда!

Тени заполняли вход в гробницу. И в центре их — фигура, теперь почти материальная, с горящими пустыми глазами.

Золотые иероглифы в саркофаге вспыхнули, как раскалённые угли. Камера наполнилась светом — не ослепительным, а плотным, густым, словно сам воздух стал сиять.

Амира произнесла последний слог имени.

Тишина.

Существо замерло. Его тело — если это можно было назвать телом — начало трескаться. По поверхности пошли светящиеся линии, как по пересохшей земле.

— Ты думаешь... — голос стал глухим, многослойным,
— что имя может убить меня?

Камень под ногами задрожал.

— Имя не убивает, — продолжила она, с трудом удерживая голос. — Оно связывает.

Существо подняло голову. И впервые пустота на месте лица стала прозрачной — внутри неё что-то вращалось, медленно, как чёрная звезда.

— Они не связывали меня, — прошептало оно. — Они разделили меня.

Свет усилился. Фигура не рассыпалась — она расслоилась. Как будто внутри неё находилось что-то ещё — глубже, древнее.

— Ты освободила то, что они заперли в форме, — голос теперь звучал почти спокойно. — Имя было клеткой. Ты разрушила клетку.

Амира замерла.

— Нет... Я запечатала тебя...

— Нет, дитя имён. Ты вернула мне звук.

И тогда она услышала это.

Не слово.

Не имя.

Ноту.

Короткую, чистую вибрацию — настолько тонкую, что она не звучала в ушах. Она звучала в костях. В крови. В самом пространстве между мыслями.

Существо начало распадаться — не в пыль, а в резонанс. Его контуры стали прозрачными, свет превратился в волну, которая втянулась в стены гробницы, в песок, в камень.

— Наконец... — прозвучало в воздухе. — Первый фрагмент... возвращён...

И всё стихло.

Саркофаг опустел.

Но на его дне, где были золотые иероглифы, остался след — тонкая линия, пульсирующая едва заметным светом.

Амира протянула руку.

И коснулась её.

Эпилог. Три месяца спустя

Комиссия слушала её отчёт без интереса. Пустая гробница. Ничего значимого. Ошибка ожиданий.

Амира говорила спокойно. Уверенно.

Но каждую ночь она просыпалась в один и тот же момент — 03:17.

И каждый раз перед пробуждением она слышала ноту. Ту самую.

Она не была зловещей. Не угрожающей.

Она была... незавершённой.

Одна из семи.

Через неделю после возвращения она начала искать.

Сначала — из профессионального любопытства.

Потом — из страха.

Шумерские тексты. Упоминания Намтару.

Тибетские хроники о Ньере.

Ацтекские песни о Йоалли Ээкатле.

Везде — одно и то же.

Существо, связанное через звук.

Существо, разделённое.

Существо, которое нельзя уничтожить, но можно расстроить.

Амира сидела ночью перед экраном ноутбука, когда наткнулась на заметку о странном инциденте в Мексике.

Теотиуакан. Подземная камера. Семнадцать погибших.

И на фотографии стены она увидела символ.

Круг.

Семь точек.

Одна из них — едва заметно светилась.

Египет.

Её дыхание остановилось.

— Я не запечатала его, — прошептала она.

Она освободила первый фрагмент.

И дала ему звук.

Телефон зазвонил в тот же момент.

— Доктор Хассан? — голос был спокойным, но напряжён-

ным. — Меня зовут кардинал Томассо Вентури. Мы наблюдали за вами. И за тем, что произошло в Долине Царей.

Пауза.

— Вы не уничтожили его, верно?

Амира закрыла глаза.

В тишине квартиры снова прозвучала нота.

Короткая. Чистая.

Незавершённая.

— Нет, — ответила она. — Я помогла ему начать возвращаться.

— Тогда вы понимаете, — голос кардинала стал жёстче, — что это только первый из семи.

Свет в комнате на секунду мигнул.

И в этот момент Амира ясно услышала вторую ноту.

Где-то очень далеко.

КНИГА II . СЕМЬ ЛИКОВ БЕЗЫМЯННОГО

Пролог: Рим, Ватиканская библиотека

Кардинал Томассо Вентури не спал три ночи подряд. Перед ним лежала папка с грифом "Secretum Omega" — высшая степень секретности Ватикана, которую видели лишь горстка людей за последние пятьсот лет.

Внутри были фотографии. Двенадцать фотографий с мест преступлений по всему миру.

Стамбул. Тело дервиша, найденное в мечети Сулеймание. На стенах — арабская вязь, написанная кровью.

Киото. Монах дзен-буддийского храма. Вокруг него — сто восемь свечей, погасших одновременно.

Мехико. Археолог, работавший на раскопках Теночтитлана. Его последняя запись в дневнике: "Я слышу, как оно шепчет имена на науатле."

И самая последняя — из Каира. Доктор Фарид Мустафа, коллега некой доктора Амиры Хассан. Причина смерти: остановка сердца. Но его глаза были широко открыты, а на сетчатке — словно выжженные — были символы.

Древнеегипетские иероглифы.

Кардинал взял телефон. Набрал номер, который надеялся никогда не использовать.

— Алло? — женский голос, осторожный.

— Доктор Хассан? Меня зовут Томассо Вентури. Я звоню из Ватикана. — Он помолчал. — Вы должны приехать в Рим. Немедленно. То, что вы пробудили в Долине Царей... оно не было единственным.

Молчание на другом конце линии.

Затем:

— Я знаю.

Часть I. Собираение осколков

Глава 1: Каир, три дня назад

Амира проснулась в холодном поту. Снова этот сон. Она стояла в центре круга, а вокруг неё семь фигур с пустыми лицами. Они тянули к ней руки, и их голоса сливались в единый хор:

"Мы — одно. Мы — семь. Мы — легион имён."

Она встала, включила свет. Три часа ночи. На столе лежали её исследования — стопки бумаг, фотографий, записок. То, что начиналось как любопытство, превратилось в одержимость.

После запечатывания Пожирателя Имён она не могла остановиться. Что-то внутри неё *знало*, что история не закончилась. Она начала искать. И находила.

Шумерские таблички из Ура, 2100 год до н.э.: упоминание об "Утукку Лемнугу" — демоне, который крадёт "ме" (божественную сущность) через знание истинного произношения имени.

Ацтекский кодекс Борджиа: изображение Тецкатлипоки в его аспекте "Ночного Ветра", который "вдыхает душу через название".

Тибетская Книга Мёртвых, раздел о "Зхиндаг" (Сидпа Бардо) — существах, которые обретают форму через повторение их тайных мантр.

Везде одна и та же структура: древнее существо, власть через имена, запечатывание жрецами, предупреждения не произносить определённые слова.

И везде — недавние инциденты. Смерти. Исчезновения. Люди, которые начинали слышать голоса на мёртвых языках. Телефон зазвонил, заставив её подпрыгнуть.

— Амира, — голос Александра был напряжённым. — Ты видела новости?

— Какие новости?

— Включи телевизор. Сейчас.

Она схватила пульт. На экране — репортаж из Мексики.

"...массовое самоубийство в археологическом комплексе Теотиуакан. Семнадцать человек прыгнули с Пирамиды Солнца одновременно. Все были членами международной экспедиции, изучавшей недавно обнаруженную камеру под пирамидой..."

Камера показала стену внутри камеры. Испещрённую символами.

Символами, написанными задом наперёд.

— О... Боже, — прошептала Амира.

— Это не совпадение, — сказал Александр. — Кто-то целенаправленно открывает эти места. Кто-то *знает*, что там находится.

— Нам нужна помощь, — Амира уже натягивала джинсы, засовывала ноутбук в рюкзак. — Мы не сможем справиться с этим вдвоём.

— У тебя есть идеи?

— Одна. Но ты не поверишь, кто мне только что позвонил.

Глава 2: Ватикан, архив "Omega"

Зал был огромным, уходящим куда-то в недра земли. Стеллажи терялись во тьме. Здесь хранились документы, которые Церковь считала слишком опасными для обычных архивов.

Кардинал Вентури вёл Амиру и Александра по узкому проходу между полками. Его сопровождала молодая женщина в строгом костюме — Мария Кастелано, специалист по апокрифическим текстам.

— Ватикан собирает информацию о паранормальных явлениях с тринадцатого века, — говорил Вентури. — Большинство — суеверия и подделки. Но есть категория случаев, которые повторяются с подозрительной точностью через века.

Он остановился перед массивным деревянным столом. На нём были разложены карты, документы, артефакты.

— Мы называем это "Феноменом Безымянного". Первое зафиксированное проявление — Шумер, третье тысячелетие до нашей эры. Последнее — Каир, четыре месяца назад.

Амира подошла ближе. На карте мира были отмечены семь точек:

Ур, Месопотамия

Долина Царей, Египет

Тибет, монастырь Самье

Теночтитлан, Мексика

Дельфы, Греция

Ангкор-Ват, Камбоджа

Рапа-Нуи (остров Пасхи)

— Семь проявлений, — прошептала Амира. — Семь культур.

— Но одна сущность, — кивнул Вентури. — Или, точнее,

одна сущность, разделённая на семь аспектов. Наши теологи изучали это веками. Мы верим, что до возникновения цивилизации существовало... нечто. Предшественник богов. Сила, которая питалась самой концепцией идентичности.

— Первый паразит, — вставила Мария тихим голосом. — Он не просто крал имена. Он *был* именами. Коллективным бессознательным всего человечества до того, как мы научились называть себя "я".

Александр скептически хмыкнул:

— Звучит как безумие.

— Три месяца назад вы видели человека без лица, который слышал истинные имена, — парировала Мария. — Скажите честно, Александр — после этого вы всё ещё верите в границы возможного?

Александр замолчал.

Амира изучала карту.

— Почему сейчас? Почему все семь аспектов пробуждаются одновременно?

— Потому что кто-то их будит, — Вентури положил на стол папку. — За последний год произошло несколько инцидентов в местах, связанных с этими проявлениями. Всегда один и тот же почерк: кто-то находит запечатанное место, проводит точные исследования, а затем — словно случайно — происходит утечка информации. Учёные, любители, охотники за сокровищами приезжают. Читают надписи. Произносят слова.

— И освобождают существ, — закончила Амира.

— Именно. Но вот что интересно. — Вентури открыл папку. Внутри была фотография мужчины средних лет, с сидящими висками и умными глазами. — Доктор Элиас Коэн. Израильский археолог, специалист по древним языкам. Последние десять лет финансирует экспедиции по всему миру. И каждая — в одно из этих семи мест.

— Он знает, — выдохнул Александр. — Он знает о связи.

— Больше того. — Мария открыла ноутбук, показала документ. — Шесть недель назад он приобрёл на аукционе "Чёрный Папирус Тотмеса" — текст, который Британский музей считал потерянным с 1890 года. Согласно каталогу, этот папирус содержит "полную теогонию до-династического Египта".

— Теогонию? — переспросил Александр.

— Происхождение богов, — пояснила Амира, её сердце забилось быстрее. — Мифы о том, что было *до* известных нам богов.

— И если он содержит информацию о Безымянном...

— То Коэн знает не только, как пробудить аспекты, — закончил Вентури мрачно. — Он знает, как собрать их воедино.

Повисла тишина.

Наконец Амира спросила:

— Что произойдёт, если все семь аспектов пробудятся одновременно

Вентури и Мария переглянулись.

— Мы не знаем точно, — медленно сказал кардинал. — Но в апокрифе четырнадцатого века, написанном неким монахом-визионером, есть описание. Называется "Воссоединение Семи Ликов". — Он открыл древнюю книгу, зачитал латынь, затем перевёл:

— "И когда Безымянный вновь обретёт все свои лики, мир забудет, что значит быть собой. Имена перестанут иметь значение. Личность растворится. И человечество станет единым сознанием — его сознанием. Концом индивидуальности станет начало абсолютного контроля."

— Улей, — прошептала Амира. — Он хочет превратить всё человечество в улей, где он — королева.

Александр побледнел.

— И сколько аспектов уже пробудилось?

— Два точно. Ваш египетский и мексиканский. Возможно, третий — в Тибете месяц назад был инцидент в монастыре, но нам не удалось подтвердить.

— Значит, у нас ещё есть время, — Амира начала соображать. — Если мы найдём остальные места первыми, сможем укрепить печати, предотвратить пробуждение.

— Или, — вставила Мария, — мы можем сделать обратное. Найти способ разрушить сущность навсегда.

— Как?

— Та же логика, что вы использовали в Египте. Истинное имя даёт власть. Но у Безымянного, судя по названию, ис-

тинного имени *нет*. Его стёрли ещё до возникновения письменности. Однако...

Она показала древнюю табличку — шумерскую, испещрённую клинописью.

— Существует легенда о "Первом Слове". Звук, который был произнесён в момент рождения сущности. Не имя, но... суть. Частота. Вибрация, которая *определила* его.

— И где эта информация?

— Не где. У *кого*. — Вентури положил на стол ещё четыре досье. — Вам нужна команда. Люди, которые знают языки, культуры, ритуалы каждого из семи проявлений. Ватикан может предоставить финансирование и логистику, но работу должны сделать вы.

Амира открыла первое досье. Фотография пожилого тибетского монаха с добрым лицом и пронизательными глазами.

Тензин Дордже. 76 лет. Бывший настоятель монастыря Самье. Специалист по тантрическим практикам и тибетской демонологии. Пережил "инцидент 2024" — единственный выживший из восьми монахов.

Второе досье. Молодая мексиканка с огненными глазами и традиционным украшением в волосах.

Ксочитль Рамирес. 34 года. Археолог, потомок ацтекской жреческой линии. Изучает науатль и мифологию месоамерики. Была в Теотиуакане в ночь массового самоубийства — отказалась прыгать, хотя слы-

шала "зов".

Третье. Мужчина средних лет с бородой и усталым взглядом.

Лоран Дюбуа. 52 года. Французский лингвист, специалист по мёртвым языкам. Расшифровал больше шумерских табличек, чем кто-либо в мире. Одержим идеей найти "прото-язык" — первый язык человечества.

Четвёртое. Молодой камбоджиец с монашеской стрижкой.

Саммон Кхем. 29 лет. Хранитель традиций Ангкор-Вата. Утверждает, что может слышать "эхо древних" — голоса, записанные в самих камнях храма.

Амира посмотрела на кардинала.

— Они согласятся?

— Трое уже согласились. Четвёртый, Лоран Дюбуа, требует... особых условий. Он в тюрьме. Франция. Обвиняется в краже артефактов из Лувра. Но он — лучший шумеролог в мире.

— Значит, нам нужно вытащить его, — Александр неожиданно улыбнулся первый раз за весь разговор. — Ну что ж. Всегда хотел поучаствовать в тюремном побеге.

— Не побеге, — поправила Мария. — Официальном освобождении под залог. Ватикан позаботится о бюрократии. Но есть условие.

— Какое?

— У вас есть две недели. — Вентури указал на календарь. — Через четырнадцать дней — равноденствие. Наши астрологи утверждают, что в этот момент границы между мирами особенно тонки. Если Коэн планирует ритуал воссоединения, он проведёт его именно тогда.

— Четырнадцать дней, чтобы облететь семь мест по всему миру, собрать информацию, найти Первое Слово и остановить древнее зло, — перечислил Александр. — Звучит выполнимо.

Амира не улыбнулась. Она смотрела на карту. На семь точек, разбросанных по планете. И думала о том, что где-то там, в одной из них, Элиас Коэн готовил финальный ритуал.

Ритуал, который сотрёт понятие "я" из человеческого сознания навсегда.

— Когда мы начинаем? — спросила она.

— Завтра утром вылетаете в Тибет, — ответил Вентури. — Тензин Дордже ждёт вас в монастыре Самье. С него начнём собирать команду.

Он протянул ей небольшой медальон — серебряный, с выгравированным символом: круг с семью точками внутри.

— Что это?

— Знак "Стражей". Древний орден, который Церковь... наследовала... в тринадцатом веке. Они охраняют границы между мирами уже три тысячи лет. Покажете это Тензину — он поймёт. (это для следующей заметки)

Амира взяла медальон. Металл был холодным, но, каза-

лось, пульсировал под пальцами.

Семь точек. Семь ликов. Четырнадцать дней.

Игра началась.

Глава 3: Тибет, монастырь Самье

Горы Тибета встретили их ледяным ветром и разреженным воздухом. Александр задыхался на каждом шагу подъёма к монастырю, проклиная археологию, Ватикан и собственную глупость.

Амира шла впереди, показывая медальон местным проводникам. Те кивали с уважением и указывали дальше, вверх по заснеженной тропе.

Монастырь Самье был построен в восьмом веке — первый буддийский монастырь Тибета. Его стены помнили века медитаций, молитв, священных ритуалов. Но сейчас большая часть зданий была пуста. После "инцидента" монахи разбежались.

Остался только один.

Тензин Дордже сидел в центральном храме, перед огромной статуей Будды. Он не повернулся, когда они вошли, но его голос прозвучал ясно:

— Вы пришли за знанием о Ньере.

— Ньере? — переспросила Амира.

— Так мы называем его здесь. "Тот, кто слушает сквозь тишину." — Старый монах наконец повернулся. Его глаза были затянuty белой плёнкой — слепые. — Он пришёл ме-

сяц назад. Мы думали, что наши защитные мантры достаточно сильны.

— Что случилось?

Тензин медленно встал, опираясь на посох.

— Семеро из нас пытались изгнать его. Мы читали древние сутры, те, что предназначены для связывания демонов. Но Ньере — не демон. Он старше. Он... прото-сознание. Частичка того хаоса, который был до того, как вселенная обрела форму.

Он подошёл к стене. Провёл рукой по резьбе — сложные мандалы, переплетающиеся символы.

— Ньере материализуется через звук. Через *правильный* звук. В Тибете мы знаем силу мантр — каждый слог создаёт вибрацию в ткани реальности. Ньере — это мантра, ставшая живой.

— Как вы его запечатали?

— Мы не запечатывали. Мы... переместили. — Тензин постучал посохом по полу. — Под этим монастырём есть пещера. Старше самого монастыря. Там хранится Колокол Молчания — артефакт времён империи Шангшунг, до прихода буддизма.

— Колокол Молчания? — Александр нахмурился. — Звучит парадоксально.

— Это колокол, который не звучит, — улыбнулся Тензин. — Или, точнее, звучит на частоте, которую человеческое ухо не воспринимает. Но сущности вроде Ньере *слышат* эту ча-

стоту. Она причиняет им боль. Связывает.

— И он всё ещё там?

Улыбка исчезла с лица монаха.

— Нет. Три дня назад пришёл человек. Европейец. Сказал, что хочет изучить пещеру для научных целей. Я отказал. Но ночью он проник внутрь и... унёс Колокол.

— Коэн, — прошипела Амира. — Он здесь был.

— Он освободил Ньере. И существо ушло. Я чувствую — оно движется на запад. К месту, где его братья пробуждаются.

— Вы можете помочь нам найти его? Остановить?

Тензин долго молчал.

— Я слепой старик. Что я могу?

— Вы слышите то, что другие не слышат, — Амира достала медальон, показала ему. — Ватикан сказал, вы поймёте.

Пальцы монаха коснулись серебра. Он замер.

— Стражи, — прошептал он. — Я думал, орден давно исчез.

— Мы возрождаем его. На одну миссию. Нам нужен тот, кто понимает звук, частоты, вибрации. Нам нужны *вы*.

Тензин усмехнулся.

— Вы просите слепого монаха сражаться с древним злом?

— Нет. Мы просим мудреца научить нас *слушать*.

Долгая пауза. Ветер выл снаружи, заставляя стены монастыря скрипеть.

Наконец Тензин кивнул.

— Хорошо. Но сначала вы должны увидеть кое-что. Спуститься в пещеру. Там остались... следы. Возможно, они помогут понять, куда движется Ньере.

Пещера под монастырём уходила глубоко в недра горы. Стены были испещрены древними символами — не тибетскими, старше. Амира узнавала отдельные элементы: свастика (изначальный буддийский символ солнца), бесконечный узел, мандалы.

Но посреди пещеры было нечто другое.

Круг на полу, выжженный в камне. А внутри — символ, который заставил Амиру остановиться как вкопанную.

— Это... это та же форма, что на медальоне.

Круг с семью точками. Но здесь точки были соединены линиями, образуя сложную геометрическую фигуру. Гептаграмму — семиконечную звезду.

— Карта, — прошептал Александр. — Это карта.

Он был прав. Семь точек идеально соответствовали семи местам на карте Вентури. А линии между ними...

— Лей-линии, — выдохнула Амира. — Энергетические потоки Земли.

— В вашей культуре их так называют, — кивнул Тензин. — Мы зовём их Лунг-та — "конь ветра". Пути, по которым течёт ци планеты.

— Если все семь точек связаны... — Александр обвёл символ рукой, — то, когда все аспекты пробудятся одновре-

менно...

— Энергия потечёт по этим линиям, — закончила Амира.
— И в центре, где все линии пересекаются...

Она посмотрела на карту в телефоне. Наложила изображение гептаграммы на реальную карту мира.

Линии пересекались в одной точке.

Посреди Атлантического океана.

— Там ничего нет, — нахмурился Александр. — Только вода.

— Или, — Тензин улыбнулся невесело, — то, что раньше было там. Прежде чем ушло под воду.

— Атлантида? — Александр фыркнул. — Серьёзно?

— Не Атлантида. — Амира увеличила карту. — Координаты указывают на... Азорские острова. Но глубоко под водой. Там есть подводные горы, хребет...

— И, возможно, руины, — добавил Тензин. — Древняя цивилизация, которая предшествовала всем известным. Цивилизация, которая *породила* Безымянного. И где он был впервые запечатан, прежде чем позволить расщепить себя на семь частей, чтобы выжить.

Повисла тишина. Где-то в глубине пещеры капала вода. Звук эхом разносился по камню.

— Значит, — медленно сказала Амира, — Коэн хочет собрать все семь аспектов и привести их туда. В место рождения. Чтобы воссоединить в изначальную форму.

— Но для этого ему нужен ритуал, — добавил Александр.

— Слова силы. Первое Слово, о котором говорил Вентури.

— И каждый из семи аспектов хранит часть этого Слова, — кивнул Тензин. — Фрагмент звука. Одну ноту в симфонии творения. Соберёте все семь фрагментов — узнаете полную частоту. Первое Слово, которое дало Безымянному существование.

— И что? Мы произнесём его? — Александр покачал головой. — Это же только усилит его.

— Или, — Амира вдруг поняла, — мы произнесём его *наоборот*. Как антифазу. В физике, когда две звуковые волны встречаются в противофазе, они уничтожают друг друга. Создают тишину.

Тензин медленно кивнул, и на его лице появилось выражение глубокого уважения.

— Теперь вы начинаете понимать. Первое Слово создало его. Последнее Слово — его обратная вибрация — может разрушить. Но для этого нужно собрать все семь фрагментов. У всех семи аспектов. Прежде чем Коэн сделает это первым.

— Гонка, — выдохнул Александр. — Это гонка по всему миру.

Амира посмотрела на гептаграмму на полу. На семь точек, соединённых в невидимую сеть.

Месопотамия. Египет. Тибет. Мексика. Греция. Камбоджа. Рапа-Нуи.

Четырнадцать дней. Семь стран. Одно слово.

— Тензин, — она протянула руку, — вы с нами?

Старый монах взял её руку. Его хватка была крепкой.

— Я потерял зрение, встретившись с Ньере. Но я научился видеть другими способами. — Он улыбнулся. — Да. Я с вами. До конца.

Где-то наверху, в храме, зазвенел колокол. Время вечерней молитвы.

Но Амира слышала что-то ещё. Едва различимое гудение, вибрацию на границе восприятия.

Первая нота уже прозвучала.

Симфония началась.

Часть II. Собирая осколки

Глава 1. Мексика, руины Теотиуакана

Самолёт приземлился в Мехико на рассвете. Амира, Александр и Тензин выглядели измождёнными — двадцать часов в пути, смена часовых поясов, груз знания о том, что время утекает.

Одиннадцать дней до равноденствия.

Ксочитль Рамирес ждала их у выхода из аэропорта. Она была ниже, чем Амира представляла по фотографии, но её присутствие заполняло пространство. Традиционная вышитая блуза, джинсы, тяжёлые серебряные серьги в форме змей. Глаза — цвета обсидиана, острые и настороженные.

— Доктор Хассан, — она не предложила руку для рукопожатия. — Ватикан прислал мне ваше досье. Впечатляюще. Хотя я не уверена, что понимаю, зачем вам я.

— Вы были в Теотиуакане в ночь инцидента, — ответила Амира. — Вы слышали зов, но не прыгнули. Как?

Лицо Ксочитль потемнело.

— Не здесь. В машине.

Они ехали к руинам, а Ксочитль рассказывала. Её голос был ровным, но Амира слышала скрытое напряжение.

— Моя прабабушка была *cura* *Северной широты* *idera* — целительницей. Она учила меня защитным песням, тем, что передавались в нашей семье со времён до Конкисты. Большинство людей думают, что ацтекская магия умерла пятьсот лет назад. Они ошибаются. Она просто... притаилась.

— И эти песни защитили вас? — спросил Александр.

— Частично. — Ксочитль повернула голову, и Амира увидела шрам на её шее — тонкий, белый, словно от ожога. — Я слышала голос Йоалли Экатля — Ночного Ветра. Он шептал на науатле, древнем диалекте, который я изучала годами. Он называл моё *тональ* — духовное имя, данное при рождении согласно календарю.

— И что произошло?

— Я почувствовала, как теряю себя. Словно моя личность растворялась, становилась частью чего-то большего. Все, кто прыгнул... они шли с улыбками. Они были счастливы. Потому что больше не были собой. Не было страха, боли, сомнений. Только... единство.

Она замолчала. Руки сжали руль сильнее.

— Я начала петь. Старую песню. — "Цветок и Песня". Древний способ заземлить душу. И на секунду... голос отступил. Достаточно долго, чтобы я убежала.

— Но он всё ещё здесь, — тихо сказал Тензин с заднего сиденья.

Ксочитль кивнула.

— Йоалли Экатль не ушёл. Он ждёт. Под Пирамидой Солнца. В камере, которую мы вскрыли три недели назад.

Теотиуакан был величественен даже в разрушенном состоянии. Пирамида Солнца возвышалась над комплексом — массивная ступенчатая структура, третья по величине пирамида в мире.

Но Ксочитль вела их не вверх. Вниз.

— Мы нашли туннель, — объясняла она, пока они спускались по современной лестнице в недра пирамиды. — Естественную пещеру, которую ацтеки расширили. Думали, что это гробница. Ошибались.

Внизу их встретила камера. Стены были покрыты фресками — яркими, почти нетронутыми временем. Амира остановилась, поражённая.

На фресках была изображена история.

Семь фигур, окружающих центральную — огромную, бесформенную тень. Каждая из семи держала что-то: египтянин — анкх, шумериец — табличку, тибетец — колокол, ацтек — обсидиановый нож, грек — лиру, кхмер — цветок лотоса,

рапануец — каменную статуэтку.

— Семь культур, — прошептал Александр. — Они *знали* друг о друге.

— Не просто знали, — Ксочитль указала на центральную фигуру. — Они были едины. Одна цивилизация, до того, как континенты разошлись. До потопы, землетрясений, катаклизма. Они называли себя "Первыми". И они создали *его*.

На фреске центральная тень имела семь глаз. Каждый смотрел на одну из окружающих фигур.

— Создали? — переспросила Амира. — Я думала, он был... изначальным.

— Он был, — вмешался Тензин. — Но Первые не просто обнаружили его. Они попытались *использовать*. Дать ему форму. Направить его силу.

— Зачем?

Ксочитль подошла к другой фреске. Здесь была изображена война — фигуры в чёрном штурмовали города, убивали, жгли.

— Потому что они боролись с чем-то худшим. — Её палец коснулся чёрных фигур. — Древние тексты называют их "Теми, Кто Приходит Из Пустоты". Захватчики. Не люди. Что-то... другое.

— И Первые призвали Безымянного, чтобы защититься, — закончила Амира. — Оружие против врага.

— Но оружие обернулось против них. — Ксочитль показала третью фреску. Семь фигур стояли над расколотым те-

лом центральной тени. — Они поняли свою ошибку слишком поздно. Безымянный начал поглощать не только врагов, но и их самих. Стирать личности, превращать людей в пустые оболочки.

— И они разделили его, — Александр обвёл рукой фрески. — Каждая культура взяла по аспекту и запечатала в своей земле.

— Верно. Но разделение было несовершенным. Каждый аспект сохранил... память. Стремление воссоединиться. — Ксочитль подошла к алтарю в центре камеры. На нём лежал обсидиановый нож — тот самый, что на фреске. — И каждый аспект хранит фрагмент Истинного Звука. Частоту, которая была использована для его создания.

— Вы можете извлечь этот фрагмент? — спросила Амира.

— Могу. Но это опасно. Йоалли Экатль *здесь*. В этой комнате. Я чувствую его. Чтобы получить звук, мне нужно... вступить с ним в контакт.

— Это безумие, — сказал Александр.

— Это необходимость, — парировала Ксочитль. — У вас есть другие варианты?

Молчание.

Наконец Амира кивнула.

— Что вам нужно?

Глава 2. Ритуал крови

Ксочитль разложила на полу круг из маисовой муки —

традиционной ацтекской защиты. Внутри круга поставила четыре свечи — по сторонам света. В центре положила обсидиановый нож.

— Науа верили, что кровь — это проводник для духа, — объясняла она, закатывая рукав. — Маленькая жертва, чтобы открыть канал. Чтобы он услышал меня.

— Подождите, — Тензин положил руку на её плечо. — Позвольте мне помочь. Я могу создать звуковой барьер. Мантра защиты.

— Это ацтекский ритуал.

— Но звук универсален. — Старый монах улыбнулся. — Позвольте Востоку и Западу объединиться. Как это было у Первых.

Ксочитль колебалась, затем кивнула.

Тензин сел у края круга, скрестив ноги. Начал тихо напевать — низкий, гудящий звук, который заставлял воздух вибрировать. Тибетское горловое пение, создающее несколько тонов одновременно.

Ксочитль взяла нож. Провела лезвием по ладони — быстро, уверенно. Кровь закапала на пол.

И что-то изменилось.

Воздух стал тяжёлым. Свечи заколебались, хотя ветра не было. Амира почувствовала давление в ушах, словно перед грозой.

Ксочитль начала петь на науатле. Слова были древними, гортанными:

— *Tlalticpac, тоуосоуа iСеверной широты toСеверной широтыatiuh. СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫicaСеверной широты, Северной широтыicaСеверной широты...*

(Земля дрожит, солнце скрывается. Здесь, здесь...)

Тени в камере начали двигаться. Собираться. Принимать форму.

— *Йоалли Экатль, ночной ветер, пожиратель тональ...*

Фигура материализовалась напротив неё. Высокая, костлявая, с головой в форме черепа орла — одной из священных форм Тескатлипоки. Но череп был пуст изнутри. Только тьма.

— **Ты зовёшь меня.**

Голос был шёпотом и криком одновременно. Ксочитль не дрогнула.

— Я зову тебя, чтобы ты вернул то, что украл. Звук. Нужную ноту.

— **Почему я должен отдавать то, что принадлежит мне?**

— Потому что это не твоё. Ты — осколок. Ты — тень. Ты — эхо чего-то большего, и ты это знаешь.

Существо наклонило голову.

— **Хочешь воссоединения. Как и тот, второй человек. Который пришёл недавно.**

— Коэн, — выдохнула Амира.

— **Да. Он предложил мне свободу. Обещал привести к моим братьям. Собрать нас вместе.** — Йоалли Ээ-

катль повернулся к ней. — **А что обещаешь ты, маленький археолог?**

— Я обещаю уничтожить вас, — ответила Амира твёрдо.
— Полностью. Навсегда. Чтобы вы больше никогда не охотились на людей.

Существо засмеялось — звук был как треск сухих костей.
— **Честность. Редкость. Мне нравится.** — Оно посмотрело на Ксочитль. — **Ты хочешь мой фрагмент звука? Тогда докажи, что достойна. Попробуй противостоять мне.**

— Как?

— **Я войду в твой разум. Попытаюсь взять твоё тоталь. Если выступишь — получишь то, что ищешь. Если нет... — оно развело руками, — ...станешь ещё одной марионеткой.**

Ксочитль сглотнула. Посмотрела на Амиру, на Александра, на Тензина.

— Не делайте этого, — прошептал Александр. — Мы найдём другой способ.

— Нет времени на другие способы, — Ксочитль закрыла глаза. — Делай, что должен, Ночной Ветер.

Существо вытянуло руку.

И коснулось её лба.

Ксочитль кричала.

Не голосом — её тело застыло неподвижно. Но Амира

слышала крик. Не ушами — где-то глубже. В костях. В самом сознании.

— Мы должны остановить это! — Александр дёрнулся вперёд, но Тензин схватил его.

— Нет! Если прервём ритуал сейчас — потеряем её навсегда!

— Но она умирает!

— Она *сражается*.

Тензин был прав. Амира видела это теперь. Вокруг Ксочитль начали проявляться образы — прозрачные, мерцающие. Воспоминания. Её прабабушка, поющая над костром. Отец, учащий её читать науатль. Мать, умирающая в больнице. Первая любовь. Первое предательство. Всё, что делало её *собой*.

И Йоалли Экатль пожирал это. Образ за образом исчезал, растворялся в тени.

Но Ксочитль не сдавалась. Её губы двигались, беззвучно формируя слова древней песни:

*ИСеверной широты xochitl, iСеверной широты cuicatl...
Цветок и Песня... Это единственная истина на земле...*

И вдруг — изменение. Образы начали возвращаться. Не пассивно, а атакуя. Воспоминания превратились в оружие. Прабабушка, размахивающая пучком трав, изгоняющая злых духов. Отец, его голос, твёрдый и уверенный. Мать, её последние слова: "Ты сильнее, чем думаешь."

Существо отшатнулось.

— **Невозможно. Никто не противостоял мне так...**

— Я — не никто, — голос Ксочитль прозвучал одновременно в реальном мире и в видении. — Я — дочь *curaСеверной широтыderas*. Я — потомок жрецов Кецалькоатля. Я — хранительница песен, которые старше твоего имени!

Она открыла глаза. Они горели золотым светом.

— И я беру то, что ты хранишь!

Её рука метнулась вперёд, схватила прозрачную руку существа. И сжала.

Йоалли Экатль завыл. Его форма начала распадаться. И из этого распада вырвался звук.

Не слово. Не нота. Чистая частота — высокая, пронзительная, едва на границе человеческого восприятия. Она длилась секунду, может, меньше. Но Амира запомнила её. Словно звук впечатался в саму структуру её мозга.

Существо исчезло. Ксочитль упала на колени, тяжело дыша.

Тензин прекратил пение. Камера погрузилась в тишину.

— Вы... вы сделали это, — Александр подбежал к Ксочитль, помог ей встать. — Вы победили.

— Не победила. — Ксочитль качнула головой. — Просто выстояла. Он всё ещё здесь. Слабее, но здесь. — Она посмотрела на Амиру. — Но я получила фрагмент. Вторую ноту. Первая уже была 11 страница, да и похоже 2-я тоже – Тибет. Также мы видим, что ноты добываются там, где уже побывал Коэн – значит нот у него нет?)

— Вы запомнили её?

— Больше, чем запомнила. — Ксочитль коснулась своего горла. — Я могу воспроизвести её. Когда понадобится.

Амира кивнула. Один фрагмент из семи.

— Добро пожаловать в команду, — она протянула руку.

Ксочитль пожала её. Рукопожатие было крепким, но Амира почувствовала дрожь. Женщина была на пределе.

— Сколько у нас осталось времени? — спросила Ксочитль.

— Десять дней, — ответил Александр. — И нам всё ещё нужно найти остальных. Лорана во Франции, Саммона в Камбодже. Плюс посетить Грецию, Месопотамию, остров Пасхи...

— И обогнать Коэна, — добавил Тензин. — Который уже на два шага впереди.

Они начали подниматься из камеры. Но у выхода Амира остановилась, обернулась.

На стене, рядом с фресками, был выцарапан свежий символ. Грубый, словно сделанный в спешке.

Круг с семью точками. Но три точки были зачёркнуты.

Египет. Тибет. Мексика.

Три аспекта уже связаны с Коэном.

У них оставалось четыре.

И десять дней.

Глава 3. Тюрьма Фресн, Франция

Лоран Дюбуа не выглядел как преступник. В тюремной робе, с седеющей бородой и усталыми глазами, он больше походил на рассеянного профессора, которым и был до ареста.

Амира и Александр сидели напротив него в комнате для свиданий. Тензин и Ксочитль ждали снаружи — французские власти ограничили количество посетителей.

— Значит, Ватикан наконец вспомнил обо мне, — Лоран усмехнулся. — Сколько лет я просил их помочь с исследованиями? Пять? Шесть? И вот теперь, когда я в тюрьме, они присылают... археолога и...

— Мы здесь не от Ватикана, — сказала Амира. — Мы здесь, потому что вы единственный человек в мире, который может прочесть прото-шумерскую письменность.

— Прото-шумерскую? — Интерес в глазах Лорана вспыхнул, несмотря на скептицизм. — Это миф. Язык, который предположительно предшествовал клинописи. Никаких доказательств его существования...

— Кроме табличек, которые вы украли из Лувра, — перебил Александр.

Лоран замолчал. Затем медленно кивнул.

— Вы хорошо подготовились.

— Мы знаем, что вы не просто вор, — продолжила Амира. — Вы нашли что-то. Что-то, что музей отказывался изучать, потому что это противоречило официальной истории. Табличку из Эриду.

— Как вы... — Лоран откинулся на спинку стула. — Ладно. Да. Табличка из Эриду. Датируется примерно 5000 годом до н.э. За тысячу лет до изобретения письма. Но она *исписана*. Символами, которые не похожи ни на что известное.

— И вы расшифровали её?

— Частично. — Лоран наклонился вперёд, его глаза загорелись. — Это была не история. Не торговая запись. Это... предупреждение. О чём-то, что шумеры называли "Намтару" — демон судьбы, который крадёт имена у мёртвых.

Амира и Александр переглянулись.

— Мы знаем о Намтару, — сказала Амира. — И мы знаем, что он пробудился. Месяц назад в Ираке была серия смертей...

— ...археологи, работавшие на раскопках Ура, — закончил Лоран. — Я читал. Официальная версия — отравление угарным газом. Но я знал. Кто-то вскрыл печать.

— Элиас Коэн.

Лицо Лорана потемнело.

— Коэн. Конечно. Этот ублюдок финансировал половину незаконных раскопок в регионе. Я встречался с ним однажды, на конференции. Он спрашивал меня о табличке. Я отказался говорить. — Он сжал кулаки. — Если он пробудил Намтару...

— Не только его. Семь сущностей по всему миру. Семь аспектов одного древнего существа. — Амира положила на стол фотографию гептаграммы из тибетской пещеры. — Ко-

эн собирается воссоединить их. И для этого ему нужно Первое Слово.

Лоран изучал изображение. Его лицо постепенно бледнело.

— Семь точек... это же карта Первых Городов.

— Первых Городов?

— Теория, которую я развивал годами. Что до известных цивилизаций существовала единая глобальная культура. Семь городов-государств, связанных торговлей, языком, религией. Я называл их "Предшественниками". — Он ткнул пальцем в карту. — И если Коэн знает о них... если он нашёл способ пробудить их богов...

— Не богов. Оружие. — Амира рассказала ему всё: о Пожирателе Имён, о фресках в Мексике, о войне против Тех, Кто Приходит Из Пустоты.

Когда она закончила, Лоран долго молчал.

— Первое Слово, — наконец произнёс он. — Язык создания. В шумерской мифологии есть концепция "Нам" — божественных указов, которые структурировали реальность. Слова, которые не просто описывают вещи, но *определяют* их существование.

— И вы можете найти это Слово?

— Могу. Если вы вытащите меня отсюда и дадите доступ к табличке. Она всё ещё в Лувре, в закрытом хранилище. — Он усмехнулся. — Конечно, это означает снова ограбить музей.

— Ватикан уже работает над вашим освобождением, — сказал Александр. — Официальное помилование в обмен на сотрудничество в "деле международной важности".

— Помилование? — Лоран рассмеялся. — Значит, ситуация действительно серьёзная.

— Серьёзнее, чем вы можете представить. — Амира встала. — У нас девять дней до равноденствия. Коэн опережает нас. Каждая минута на счету.

Лоран посмотрел на неё долгим взглядом. Затем кивнул.

— Ладно. Я с вами. Но при одном условии.

— Каком?

— Когда всё закончится, я хочу опубликовать результаты. Доказать миру, что Предшественники существовали. Это моя жизнь. Моя одержимость. Я не откажусь от неё даже перед лицом апокалипсиса.

Амира улыбнулась.

— Если мы выживем, я лично помогу вам написать статью.

— Договорились.

Глава 4. Лувр, ночь

Официальное помилование пришло через 36 часов. За это время команда добралась до Парижа, и Ватикан организовал "специальное разрешение" на доступ к закрытым фондам Лувра "в рамках международного исследовательского проекта".

Охранники всё ещё смотрели подозрительно на Лорана, когда он входил в музей в сопровождении Амиры, но документы были в порядке.

Хранилище находилось глубоко под музеем. Климат-контроль, сейсмическая защита, биометрические замки. Тысячи артефактов, которые не выставлялись публично.

— Здесь, — Лоран привёл их к стеллажу с месопотамской керамикой. На полке, в защитном футляре, лежала глиняная табличка размером с ладонь.

Она выглядела обычной. Старой, покрытой трещинами, испещрённой едва различимыми символами. Но когда Амира посмотрела на неё...

Она *почувствовала* нечто. Вибрацию. Едва уловимую, но реальную.

— Вы чувствуете? — прошептал Тензин рядом с ней.

— Да. Это...

— Резонанс. — Лоран осторожно вынул табличку. — Текст написан не просто чернилами и стилусом. В глину были добавлены... компоненты. Кристаллические. Они реагируют на звук определённой частоты.

Он достал небольшое устройство — портативный частотный генератор.

— Когда я впервые изучал табличку, случайно уронил её. Она издала звук. Высокий, чистый тон. И символы на секунду... *засветились*.

— Засветились?

— Биолюминесценция. Микроорганизмы в глине, активированные вибрацией. Древняя технология, которую мы только начинаем понимать.

Лоран начал медленно повышать частоту на генераторе. 1000 Гц. 2000. 3000.

Ничего.

Табличка вздрогнула.

6237 Гц.

И она *вспыхнула*.

Символы проявились ярко-синим светом, словно выжженные электричеством. Но это были не клинописные знаки. Это была геометрия — круги, спирали, линии, образующие сложные паттерны.

— Боже мой, — выдохнул Лоран. — Это... это визуальное представление звука. Киматика. Формы, которые создаются, когда звуковые волны проходят через среду.

— Карта частот, — Ксочитль подошла ближе. — Каждый символ — это нота в последовательности.

Тензин начал напевать, сопоставляя визуальные паттерны с тонами. Его горловое пение создавало сложные гармонии.

И внезапно воздух изменился.

Что-то начало материализовываться в центре комнаты. Не фигура — слишком аморфное для этого. Скопление теней, пульсирующее в такт звукам Тензина.

— **Кто осмелился потревожить Намтару?**

Голос был глубоким, гортанным, с шумерским акцентом.

— Мы ищем фрагмент, — сказала Амира, стараясь говорить уверенно. — Ты хранишь часть Первого Слова.

— **Первое Слово принадлежит моему хозяину. Безымянному. Я не отдам его смертным.**

— Даже если это означает твоё уничтожение?

Существо засмеялось — звук был как удары молота по наковальне.

— **Вы не можете уничтожить то, что существовало до смерти. Я — Намтару, тот, кто записывает судьбы. Я видел рождение первого человека. Я увижу смерть последнего.**

— Возможно, — вмешался Лоран. — Но я читал таблички. Я знаю твою историю. Ты не был богом. Ты был *служгой*. Служгой Эрешкигаль, богини подземного мира. И она *отвергла* тебя, когда ты начал красть имена не только у мёртвых, но и у живых.

Тени дрогнули.

— **Молчи, смертный.**

— Нет. — Лоран шагнул вперёд. — Ты был изгнан. Не запечатан с почестями, как ты хочешь, чтобы мы думали. Изгнан в позоре. Потому что ты предал свою природу. Стал чем-то *меньшим*, чем был создан.

— **Я говорю тебе в последний раз...**

— И я говорю тебе, — Лоран поднял табличку, — что я держу в руках запись твоего изгнания. Все слова Эреш-

кигаль, которыми она прокляла тебя. Хочешь, я зачитаю их вслух? Напомню тебе твой *истинный* статус?

Долгая пауза.

Затем:

— **Что ты хочешь?**

— Фрагмент. Твою часть Первого Слова. И информацию о Коэне. Я знаю, что он был здесь. Что он предложил тебе.

Существо сжалось, его форма стала плотнее.

— **Он предложил свободу. Обещал разрушить печати всех семи. Собрать нас в Месте Начала. Воссоединить Безымянного.**

— И ты согласился?

— **Я... колебался. Воссоединение даст силу. Но также означает конец. Мы станем частью целого. Потеряем индивидуальность.** — Существо, кажется, усмехнулось. — **Ирония. Мы крадём идентичности, но страшимся потерять собственную.**

— Тогда помоги нам остановить его, — сказала Амира. — Останься отдельным. Сохрани себя.

Намтару молчал долго.

— **Ты хитра, археолог. Предлагаешь мне эгоизм как добродетель.** — Он повернулся к Лорану. — **Хорошо. Фрагмент ваш. Но знай — Коэн далеко впереди. Он уже собрал четыре из семи. Египет, Тибет, Мексика, Месопотамия. Остались только Греция, Камбоджа, Рапа-Нуи.**

— Четыре?! — Александр побледнел. — Но мы думали...

— **Вы думали медленно. Пока вы спасали француза из тюрьмы, Коэн провёл ритуал в Уре. Вчера. Я сопротивлялся, но... — существо сжалось ещё сильнее, — ...он знал слова. Древние слова связывания. Я был вынужден дать фрагмент.**

У них больше не было десяти дней. У них было *пять*.

И Коэн на полпути к цели.

Намтару начал растворяться. Но прежде, чем исчезнуть полностью, его голос прозвучал последний раз:

— **Второй фрагмент: частота 417 Гц. Тон "Ре". Помните.**

И он исчез.

Лоран медленно опустился на пол, держа табличку дрожащими руками.

— Четыре из семи, — прошептал он. — Мы проиграли гонку.

— Ещё нет, — Амира помогла ему встать. — Нам нужно разделиться. Охватить оставшиеся три места одновременно.

— Это безумие...

— Это единственный шанс. — Она посмотрела на команду. — Тензин, Ксочитль — вы едете в Камбоджу. Найдите Саммона, получите фрагмент из Ангкор-Вата. Лоран, Александр — Греция, Дельфы. Я полечу на остров Пасхи.

— Одна? — Александр схватил её за руку. — Амира, это...

— Необходимость. — Она высвободилась. — У нас нет времени на споры. Пять дней. Три места. Если хотя бы в одном мы провалимся — Коэн выигрывает.

Она достала телефон, начала бронировать билеты.

Гонка вступила в финальную стадию.

И время таяло.

Часть III. Разделённая охота

Глава 1. Три пути

Рапа-Нуи (Остров Пасхи) - Амира

Самолёт приземлился на крошечном аэродроме посреди Тихого океана в четыре утра. Амира не спала всю дорогу — двадцать часов перелётов, две пересадки, бесконечная прокрутка карт и заметок в телефоне.

Пять дней до равноденствия.

Остров встретил её ветром — соленым, сильным, пахнущим океаном и древностью. Моаи — гигантские каменные головы — возвышались на горизонте, безмолвные стражи забытых тайн.

Её контакт, молодой рапануйский археолог по имени Кайо, ждал у выхода.

— Доктор Хассан? — Он выглядел взволнованным. — Я получил сообщение от Ватикана. Вы ищете... — он понизил голос, — ...Ако-Ако?

— Так вы называете его здесь?

— "Духи с разрушительной силой". Наши предки боялись

их. Говорили, что моаи были созданы не только как предки-стражи, но и как клетки. Каждая статуя запечатывала одного духа под землёй.

— Покажите мне.

Дельфы, Греция –Александр и Лоран.

Древний храм Аполлона был закрыт для туристов — "технические работы". Но Ватикан снова показал свою длинную руку: их встретила представительница греческого министерства культуры, холодная женщина с официальной улыбкой.

— Вам дан доступ к нижнему уровню, — сказала она. — Раскопки 1960-х годов обнаружили камеру под Омфалосом — "пупом земли". Мы всегда считали это естественной пещерой, используемой для оракулов.

— Но это не пещера, — закончил Лоран.

Женщина не ответила, лишь открыла решётку, ведущую вниз.

Александр и Лоран спустились в темноту. Лестница была древней, вырубленной прямо в скале. Внизу, в свете фонарей, они увидели её.

Камера, вся покрытая греческими письменами. Но не классическими. Более старыми. Микенскими. Линейное письмо Б.

— "Здесь связан Морос", — прочитал Лоран, проводя пальцем по стене. — "Бог рока, старший сын Никс. Тот, кто знал судьбы до того, как они были написаны. Мы заключи-

ли его здесь, ибо он начал изменять судьбы, переписывать предначертанное."

— Ещё один аспект власти над идентичностью, — пробормотал Александр. — Через судьбу вместо имён.

— По сути, то же самое. — Лоран подошёл к алтарю в центре. На нём лежала лира — древняя, струны давно сгнили. — Греки верили в силу музыки. Орфей, успокаивающий Цербера. Амфион, строящий Фивы силой песни. Если фрагмент здесь...

Он осторожно коснулся лиры.

И воздух наполнился музыкой.

Ангкор-Ват, Камбоджа - Тензин и Ксочитль

Джунгли поглотили древний храм столетия назад, но камбоджийцы отвоевали его обратно. Башни Ангкор-Вата поднимались над пологом леса, сложная резьба покрывала каждый дюйм камня.

Саммон Кхем встретил их у входа. Молодой, но глаза были старыми. Монашеская роба, босые ноги, добрая улыбка.

— Вентури предупредил меня, — сказал он на удивительно чистом английском. — Вы ищете Банхтеай.

— Банхтеай?

— "Крепость духов". Так мы называем подземную часть Ангкора. Туристы видят храм. Мы видим то, что *под* ним.

Он провёл их через лабиринт коридоров, вниз по ступеням, покрытым мхом и корнями. Глубже. Всё глубже.

— Ангкор был построен не просто как храм, — объяснял Саммон. — Это была машина. Космологическая карта вселенной. Каждая башня — священная гора. Каждый ров — космический океан. И в центре, в самом сердце... источник.

Они достигли камеры. Маленькой, темной, пахнущей землёй и старой водой. В центре — бассейн. Вода в нём была абсолютно неподвижной.

— Здесь, — Саммон преклонил колени у края. — Прыть-Гэах. "То, что пожирает отражения." В воде живёт дух, который крадёт не имена, а образ. Смотришь в воду — видишь себя. Но если смотришь слишком долго... забываешь, кто *действительно* ты есть. Становишься отражением. Копией без оригинала.

Тензин медленно приблизился к воде.

— Я чувствую его, — прошептал он. — Присутствие. Очень старое.

— Будьте осторожны, — предупредил Саммон. — Многие монахи смотрели в эту воду для медитации. Некоторые... не вернулись.

Тензин кивнул. Закрыв свои слепые глаза — ирония не укрылась от него самого.

И начал петь.

Глава 2. Остров голосов (Рапа-Нуи)

Кайо привёл Амиру к Рану Рараку — карьеру, где вырубались моаи. Сотни недостроенных статуй лежали на скло-

нах, словно спящие гиганты.

— Здесь, — Кайо указал на одну статую. Она отличалась от других — меньше, с более детализированным лицом. И странным символом на лбу.

— Ронго-ронго, — выдохнула Амира, узнавая письменность острова. Нерасшифрованную до сих пор. — Но этот символ... я видела его раньше.

Круг с семью точками. Снова.

— Предки говорили, что эта статуя — особенная, — сказал Кайо. — Она не просто изображает человека. Она *содержит* что-то. Что-то, что они должны были держать под землёй.

— Как её выкопать?

— Не нужно. — Кайо достал маленький молоток. — Статуя полая внутри. Я проверял георадаром. Есть камера. И что-то в ней резонирует на определённых частотах.

Амира вспомнила табличку из Лувра. Киматику. Визуальное представление звука.

— У вас есть оборудование?

— В грузовике.

Они потратили час, устанавливая динамики вокруг статуи. Портативный генератор. Частотомер.

Амира начала с низкой частоты. 40 Гц — предел человеческого слуха. Ничего.

Постепенно повышала. 100 Гц. 200. 500.

При 741 Гц статуя *вздрагнула*.

— Стойте, — Кайо поднял руку. — 741... это частота из сольфеджио. Древняя музыкальная гамма. Частота "пробуждения интуиции".

Амира увеличила громкость.

Статуя начала вибрировать. Земля под ней задрожала. И вдруг — трещина. По центру лица, сверху вниз.

Из трещины вырвался ветер.

Не обычный ветер. Холодный, пахнувший солёной водой и чем-то древним. Он закружился вокруг них, принимая форму.

— **Кто разбудил Ако-Ако?**

Голос звучал одновременно из всех направлений. Амира заставила себя не паниковать.

— Я здесь за фрагментом. За частью Первого Слова.

— **Первое Слово было произнесено в океане. Там, где встретились семь островов до того, как земля разделилась. Почему я должен дать его тебе?**

— Потому что кто-то другой собирает фрагменты. Человек, который хочет воссоединить Безымянного. И если это произойдёт...

— **Я знаю. Коэн.** — Ветер сгустился в более определённую форму. Высокая фигура, но не совсем человеческая. Удлинённая, как моаи. — **Он был здесь. Три дня назад. Предложил мне то же, что и другим. Обещал свободу.**

— И вы отказались?

— **Нет.** — Долгая пауза. — **Я согласился. Но с услови-**

ем. Я потребовал знать, зачем ему это. Зачем человек хочет воскресить бога?

Амира замерла.

— И что он сказал?

— **Он показал мне память. Не свою. Чужую. Женщину. Молодую. Умиравшую. И слова, которые он говорил ей: "Я верну тебя. Любой ценой. Даже если придётся стереть весь мир и начать заново."**

Дочь. Или жена. Кто-то, кого Коэн потерял.

И он был готов уничтожить человечество, чтобы вернуть одного человека.

— Но Безымянный не может воскрешать мёртвых, — сказала Амира.

— **Нет. Но он может переписать реальность. Стереть смерть из истории. Сделать так, что она никогда не умирала. Превратить всех людей в части единого сознания — и в этом сознании он может создать любую реальность. Любую иллюзию.**

— Рай для одного человека. Ад для восьми миллиардов.

— **Именно. И когда я понял это... я отказался дать ему фрагмент.**

Амира выдохнула с облегчением.

— Значит, у него только четыре...

— **Нет. — Голос Ако-Ако стал тише. — Он взял силой. Использовал другой фрагмент — мексиканский, я думаю — чтобы усилить свой голос. Произнёс моё**

истинное имя. Имя, которое рапануйцы забыли столетия назад. И я был вынужден подчиниться.

Сердце Амиры упало.

— Тогда у него уже пять из семи.

— Да. Египет. Тибет. Месопотамия. Мексика. Рапа-Нуи. Остались только Греция и Камбоджа. И он движется туда сейчас. Разделил свою команду, как и вы.

— Команду?

— Вы думали, он один? Коэн собрал последователей. Люди, которые тоже потеряли кого-то. Кто готов уничтожить мир за шанс вернуть любимых.

Культ. Коэн создал культ.

— Сколько их?

— Достаточно. И они вооружены знанием. Древними текстами. Ритуалами связывания. — Ако-Ако начал рассеиваться. — Торопитесь, археолог. Ваши друзья в Греции и Камбодже не знают, что их ждёт. Они думают, что охотятся на фрагменты. Но на самом деле...

— ...на них охотятся.

Ветер исчез.

Амира схватила телефон, начала набирать номер Александра. Не брал. Лорана. Тоже не отвечал.

— Кайо! — она повернулась к местному археологу. — Мне нужен самолёт. Сейчас. В Грецию или Камбоджу, всё равно куда, но немедленно!

— Следующий рейс через восемь часов...

— Чартер! Частный! Всё что угодно!

Кайо кивнул, понимая серьёзность. Достал телефон, начал звонить.

Но Амира знала: восемь часов — это слишком долго.

Что-то ужасное уже происходило.

Глава 3. Ловушка в Дельфах

Музыка наполняла камеру. Не физический звук — нечто большее. Вибрация, которая резонировала в костях, в черепе, в самой душе.

Александр зажал уши, но это не помогало. Звук шёл изнутри.

Лоран стоял у алтаря, его рука всё ещё касалась лиры. Глаза были закрыты, лицо умиротворённое.

— Лоран! — закричал Александр. — Отойди от неё!

Но француз не реагировал. Его губы двигались, беззвучно формируя слова.

И в воздухе начала материализовываться фигура.

Морос. Бог рока.

Он был прекрасен. Не в человеческом смысле — в смысле совершенной геометрии. Его форма была составлена из линий и углов, которые не должны были существовать в евклидовом пространстве. Смотреть на него означало видеть все возможные будущие одновременно.

— **Лоран Дюбуа**, — голос был как симфония, — **я знал,**

что ты придёшь. Я видел это в нитях судьбы тысячу лет назад.

Лоран открыл глаза. Они светились золотом.

— Ты... знал?

— Я знаю все судьбы. Прошлые, настоящие, возможные. Я видел путь Элиаса Коэна. Видел твой. Видел конец.

— Какой конец?

Морос повернулся к Александру. И улыбнулся.

— Тот, где ваш друг Александр умирает в этой камере. Через три минуты. От удушья. Потому что я заберу воздух.

— Что?! — Александр отшатнулся.

— Это его судьба. Я просто исполняю предначертанное. — Морос вытянул руку.

И воздух исчез.

Александр задыхался, хватаясь за горло. Лёгкие горели. Зрение начало мутнеть.

— Стой! — Лоран шагнул между ними. — Ты сказал, видишь все судьбы. Все возможные.

— Да.

— Тогда ты видишь и те, где он выживает.

— Конечно. Но они менее вероятны.

— Менее вероятны — не значит невозможны. — Лоран схватил лиру. — Греки верили, что судьба не абсолютна. Что человек может выбирать. Орфей выбрал спуститься в Аид.

Одиссей выбрал вернуться домой. Даже зная цену.

— Но они не изменили свои судьбы. Орфей потерял Эвридику. Одиссей потерял всех спутников. Судьба исполнилась.

— Через их *выборы*. Значит, выбор имеет значение. — Лоран поднял лиру. — Я выбираю спасти моего друга. Какова вероятность этой судьбы?

Морос замер. Его геометрическая форма задрожала.

— **0.003%. Вы должны сыграть на этой лире мелодию, которую не знаете. Найти ноту, которой не существует. Произвести звук, способный разорвать ткань моей власти.**

— Тогда я сыграю её.

— **Невозможно.**

— Наблюдай.

Лоран провёл пальцами по сгнившим струнам. Они не должны были издавать звук. Но издали.

Высокий, чистый тон. 528 Гц — частота "трансформации и чудес" из сольфеджио.

Морос вздрогнул. Его форма начала деформироваться.

— **Ты... как ты узнал?**

— Я не знал. Я угадал. — Лоран играл дальше, импровизируя. — Но в этом вся суть, не так ли? Судьба — это вероятности. А вероятности меняются с каждым выбором. Ты видишь все пути, но не можешь контролировать, какой мы выберем.

Воздух вернулся. Александр упал на колени, жадно хватая ртом кислород.

Морос рассмеялся. Не зло — с уважением.

— Умно, смертный. Ты использовал мою природу против меня. — Он начал растворяться. — Хорошо. Возьми фрагмент. Шестая нота: 528 Гц. Тон "Ми". Ты заслужил его.

— Подожди, — Лоран шагнул вперёд. — Коэн. Ты видишь его судьбу?

— Вижу.

— Он успеет собрать все семь фрагментов?

Пауза.

— Да. С вероятностью 87%. Его люди в Камбодже сильнее ваших. Они возьмут седьмой фрагмент.

— Можем ли мы остановить его?

Морос посмотрел на Лорана долгим взглядом.

— Есть одна судьба. Вероятность 0.7%. Где вы побеждаете. Но цена... — он замолчал, — ...слишком высока. Один из вас должен будет стать тем, против чего боретесь. Отдать своё имя. Свою идентичность. Стать пустотой.

— Кто?

— Это я не скажу. Некоторые судьбы должны оставаться тайной до самого конца.

И он исчез.

Лоран и Александр смотрели друг на друга.

— Один из нас, — прошептал Александр. — Один из команды должен будет... умереть? Потерять себя?

— Вероятно. — Лоран опустил лиру. — Но сейчас у нас есть шестой фрагмент. Остался только один.

Он достал телефон, набрал номер Тензина.

Не отвечал.

Ксочитль. Тоже молчание.

— Они в опасности, — Александр вскочил. — Нам нужно...

Телефон Лорана зазвонил. Амира.

— Лоран! Вы в порядке?!

— Да, мы получили фрагмент. Но Тензин и Ксочитль...

— Я знаю! У Коэна есть команда! Они идут за ними! — Голос Амиры дрожал. — Я лечу в Камбоджу, но не успею. Вы ближе. Ближайший рейс из Афин — через четыре часа. Умоляю, успейте!

Лоран посмотрел на Александра.

— Бежим.

Глава 4. Битва за Ангкор

Тензин всё ещё пел, когда они слышали шаги.

Много шагов. Эхом разносящиеся по коридорам Банхте-ай.

Саммон замер.

— Кто-то идёт. Много людей.

Ксочитль выхватила обсидиановый нож — тот самый, что

взяла из Теотиуакана.

— Насколько много?

— Слишком много.

Они появились из туннеля — десять человек в тёмной одежде, с фонарями и... ритуальными ножами. Не современное оружие. Древнее. Obsidian, бронза, кость.

Во главе — женщина. Европейка, средних лет, с холодными глазами.

— Доктор Рамирес, — её голос был учтивым. — Мистер Дордже. Саммон Кхем. Как приятно наконец встретиться.

— Кто вы? — Ксочитль выставила нож вперёд.

— Меня зовут Елена Вассилиу. Я работаю с доктором Коэном. — Она улыбнулась. — Вы очень осложнили наши планы, собирая фрагменты. Но теперь это заканчивается.

— Вы не получите седьмой фрагмент.

— О, получу. — Елена кивнула своим людям.

Они начали окружать бассейн.

Тензин прекратил петь. Открыл свои слепые глаза.

— Саммон, — его голос был тихим, — ты можешь слышать камни?

— Да, учитель.

— Тогда слушай. И делай, как я скажу.

Елена подняла руку, её люди замерли.

— Старый монах хочет что-то сказать? Пожалуйста. Последние слова всегда важны.

Тензин улыбнулся.

— Вы сделали ошибку, придя сюда.

— Какую?

— Ангкор-Ват — не просто храм. Это резонатор. Построенный для усиления звука. Каждый камень, каждая башня расположены так, чтобы создавать акустический эффект. — Он повернулся к Саммону. — Частота?

Саммон прислушался. К камням. К стенам. К самому воздуху.

— 432 Гц, — прошептал он. — Естественная частота храма.

— Хорошо. — Тензин начал петь снова.

Но теперь это был не просто звук. Это была *сила*.

Его голос резонировал со стенами. Камни начали вибрировать. Пыль посыпалась с потолка. Вода в бассейне задрожала, волны побежали по поверхности.

— Остановите его! — закричала Елена.

Её люди бросились вперёд. Но Ксочитль встала на их пути.

— Вы хотите драться? — Она подняла обсидиановый нож. — Тогда дерёмся по правилам моих предков.

Она начала петь свою песню — "IСеверной широты *xochitl* iСеверной широты *cuicatl*". И нож в её руке *засветился*. Тусклым красным светом, словно раскалённый.

Первый нападающий взмахнул бронзовым клинком. Ксочитль парировала. Обсидиан встретился с бронзой — и бронза *расплавилась*.

— Невозможно...

— В Теночтитлане я встретила с Йоалли Ээкатлем лицом к лицу, — прошипела Ксочитль. — Вы думаете, я боюсь вас?

Она атаковала. Быстро, жестоко, с грацией ягуара. Древние боевые техники, которым её учила прабабушка. Не европейское фехтование — мексиканские танцы смерти.

Двое упали. Трое отступили.

Но Елена не двигалась. Она смотрела на Тензина.

— Вы поёте ради фрагмента, — сказала она. — Но знаете ли вы, что получите, когда он выйдет?

— Что вы имеете в виду?

— Прыть-Гэах. "То, что пожирает отражения". — Елена подошла к краю бассейна. — Это не демон. Это *зеркало*. Оно показывает вам то, чем вы можете стать. Лучшую версию себя. Идеальную. И затем... вы понимаете, насколько далеки от идеала. Насколько несовершенны.

— И?

— И вы начинаете ненавидеть себя. Стираете собственную идентичность, пытаетесь стать отражением. — Она засмеялась. — Коэн не боялся этого существа. Потому что он *уже* потерял себя. Когда его дочь умерла. Он стал пустотой, копией человека. Поэтому Прыть-Гэах не мог причинить ему вреда.

Тензин замолчал на секунду.

— Вы правы, — сказал он наконец. — Я потеряю себя. Увижу идеальную версию и пойму, что недостоин.

— Тогда зачем?

— Потому что я уже слеп. Я не могу видеть отражения.

— Он улыбнулся. — Иногда слабость — величайшая сила.
И запел громче.

Вода в бассейне начала кипеть. Не от жары — от вибрации. Звук Тензина достиг критической частоты.

Из воды поднялось *оно*.

Прыть-Гэах было не существом. Оно было поверхностью. Идеально гладкой, отражающей всё и ничего. Люди Елены посмотрели в эту поверхность — и замерли.

Амира видела их лица через видеозвонок (Саммон успел включить телефон). Они смотрели в зеркало и *плакали*. Не от страха. От отчаяния. Видя то, кем могли бы быть. И осознавая, кем стали.

Один за другим они опускали оружие. Пали на колени. Отворачивались.

Только Елена всё ещё стояла.

— Вы не понимаете, — прошептала она, глядя в зеркало.
— Коэн может вернуть их. Всех, кого мы потеряли. Моего сына. Его дочь. Тысячи, миллионы мёртвых. Безымянный — не зло. Он — *милосердие*. Конец страданию через конец индивидуальности.

— Это не милосердие, — Ксочитль подошла к ней. — Это трусость. Бегство от боли через уничтожение реальности.

— А вы разве не трусиха? — Елена повернулась к ней. — Вы убежали от Йоалли Экатля. Могли остаться. Присоеди-

ниться к тем, кто прыгнул. Найти покой в единстве. Но вы выбрали страдание. Одиночество. Отдельность.

Ксочитль замолчала. Потому что в этих словах была доля правды.

Да, она убежала. Да, иногда жалела. Быть одной было тяжело. Быть *собой* было болью.

Но...

— Да, — сказала она наконец. — Я выбрала страдание. Потому что это *моё* страдание. Моя боль. Моя жизнь. И я не отдам её никому. Даже ради рая.

Она подняла нож.

Елена посмотрела на неё. В её глазах была бесконечная усталость.

— Тогда вы проиграли, — прошептала она. — Коэн уже получил пять фрагментов. Завтра получит шестой — мы знали, что вы в Дельфах, и послали туда другую команду. Седьмой заберём здесь. И через четыре дня, на равноденствие, Безымянный воскреснет.

— Нет, — голос Саммона прозвучал из-за спины. — Вы не получите седьмой.

Он стоял у края бассейна, руки сложены в молитвенном жесте.

— Я хранитель этого храма. Прыть-Гэах доверен мне. И я *не отдам* фрагмент тому, кто хочет уничтожить мир.

Прыть-Гэах повернулось к нему. Зеркальная поверхность отразила... ничего. Саммон был пуст. Или, точнее, настоль-

ко наполнен покоем, что в нём не было отражения, которое могло бы стать идеалом.

— **Ты отказался от себя давно,** — прозвучал голос из зеркала. — **Стал частью храма. Камнем. Водой. Воздухом. У тебя нет "я", которое я мог бы пожрать.**

— Верно, — улыбнулся Саммон. — И поэтому ты дашь мне фрагмент.

— **Зачем?**

— Чтобы мир остался разнообразным. Чтобы люди страдали и радовались. Плакали и смеялись. Были отдельными, уникальными, несовершенными. — Он поклонился. — Это прекраснее любого единства.

Долгая тишина.

Затем:

— **Седьмой фрагмент: частота 963 Гц. Тон "Си". Высший звук. Возьми его, хранитель.**

Зеркало начало исчезать. Растворяться в воздухе.

Елена упала на колени.

— Нет... нет... мы были так близко...

Ксочитль подошла к ней. Присела рядом.

— Ваш сын, — тихо сказала она. — Как его звали?

— Алексис. — Слёзы текли по лицу Елены. — Ему было восемь лет. Рак. Я не смогла спасти его.

— Вы не можете вернуть его. Никто не может. — Ксочитль коснулась её плеча. — Но вы можете чтить его память. Жить за него. Страдать за него. Это не предательство — это

любовь.

Елена рыдала. Долго, горько.

Её люди начали отступать. Один за другим исчезая в туннелях.

Битва за седьмой фрагмент была выиграна.

Но война ещё не закончилась.

Часть IV: Лицом к лицу с безумием

Глава 1. Воссоединение

Они встретились в Бангкоке. Нейтральная территория, аэропорт Суварнабхуми, зал ожидания частных рейсов. Амира прилетела с острова Пасхи. Александр и Лоран — из Греции. Тензин, Ксочитль и Саммон — прямо из джунглей Камбоджи.

Шесть человек. Семь фрагментов.

Три дня до равноденствия.

Они сидели в закрытой VIP-комнате, которую Ватикан предоставил через свои каналы. На столе — ноутбуки, карты, записи частот.

— Итак, — Амира разложила фотографии, — у нас есть все семь фрагментов. Теперь нужно понять, как их собрать в Первое Слово.

Лоран открыл блокнот, исписанный формулами.

— Семь частот из сольфеджио и околосольфеджио гаммы:

396 Гц — Египет (Ут)

417 Гц — Месопотамия (Ре)

528 Гц — Греция (Ми)

639 Гц — [он замялся] — кто-то из нас должен был получить этот, но...

741 Гц — Рапа-Нуи (Соль)

852 Гц — Мексика (Ля)

963 Гц — Камбоджа (Си)

— Подождите, — Александр нахмурился. — Вы сказали, Коэн имеет пять фрагментов. Египет, Месопотамия, Тибет, Мексика, Рапа-Нуи. Но в вашем списке нет Тибета.

Тензин медленно кивнул.

— Потому что тибетский фрагмент — это 639 Гц. Частота "Фа". Частота связи и единства. — Он посмотрел на них своими слепыми глазами. — Коэн не просто взял фрагмент. Он взял Колокол Молчания. Артефакт, который генерирует эту частоту.

— Значит, у него шесть из семи, — прошептала Ксочитль. — Не пять.

Молчание было оглушительным.

— Но он не может провести ритуал без седьмого, — сказал Саммон. — 963 Гц — финальная нота. Без неё последовательность неполная.

— Верно, — Амира начала соображать. — И он знает, что седьмой у нас. Значит, он придёт за ним. Или...

— Или предложит обмен, — закончил Лоран. — Информацию на фрагмент. Или что-то ещё.

Телефон Амиры зазвонил.

Неизвестный номер.

Она посмотрела на команду. Все кивнули. Она ответила, включила громкую связь.

— Доктор Хассан, — мужской голос, усталый, с лёгким израильским акцентом. — Меня зовут Элиас Коэн. Полагаю, вы слышали обо мне.

— Доктор Коэн. — Амира заставила себя говорить спокойно. — Да, я знаю, кто вы. И что вы пытаетесь сделать.

— Тогда вы понимаете, что я не злодей. Я не хочу уничтожить мир. Я хочу его *спасти*.

— Стирая индивидуальность миллиардов людей?

— Освобождая их от страдания. — Голос Коэна стал тверже. — Вы знаете, сколько людей умирает каждый день? Триста тысяч. От болезней, голода, насилия, старости. Триста тысяч трагедий. Триста тысяч семей, разрушенных горем.

— И вы думаете, что можете остановить смерть?

— Нет. Но я могу сделать так, что она не будет иметь значения. — Пауза. — Представьте мир, где нет "я" и "ты". Где все — части единого сознания. В таком мире нет потери. Потому что никто не может потерять кого-то, кто является частью тебя самого.

— Это не мир, — вмешалась Ксочитль. — Это тюрьма.

— Для вас — возможно. Для меня — рай. — Коэн вздохнул. — Но я не звоню философствовать. Я звоню предложить сделку.

— Какую?

— Встретимся. Лицом к лицу. Вы, ваша команда, я и мои люди. Нейтральная территория. Без насилия. Просто разговор.

— Зачем?

— Потому что я хочу, чтобы вы поняли. Прежде чем всё закончится. — Голос Коэна стал почти умоляющим. — Я не монстр, доктор Хассан. Я отец, потерявший дочь. И если есть хоть малейший шанс, что вы согласитесь помочь мне добровольно... я должен попытаться.

Амира посмотрела на команду. Александр качал головой. Тензин сидел неподвижно, лицо непроницаемо. Ксочитль сжимала рукоять ножа.

— И если мы откажемся помогать?

— Тогда я возьму седьмой фрагмент силой. — Простая констатация факта. — У меня достаточно людей. Достаточно знаний. Вы храбры, но вас только шестеро.

— Где встреча?

— Координаты я пришлю после того, как вы согласитесь. Место уединённое. Безопасное для обеих сторон. — Пауза. — У вас есть час на размышление.

Звонок оборвался.

Они спорили тридцать минут.

Александр настаивал, что это ловушка. Лоран соглашался. Ксочитль хотела драться, а не разговаривать.

Но Тензин сказал что-то, что изменило всё:

— Морос показал мне возможную судьбу. — Он повернулся к Лорану. — Ты помнишь? Он сказал, есть путь к победе. Но один из нас должен будет стать пустотой.

— Да. И?

— Возможно, этот путь начинается со встречи. — Тензин сложил руки. — Мы должны понять Коэна. Не только его планы — его *боль*. Чтобы найти способ остановить его без разрушения.

— Вы предлагаете психотерапию для безумца, который хочет уничтожить цивилизацию? — фыркнул Александр.

— Я предлагаю сострадание. — Тензин улыбнулся. — Иногда это сильнейшее оружие.

Амира долго смотрела на слепого монаха. Затем кивнула.

— Хорошо. Мы встретимся с ним. Но с условиями. Публичное место. Свидетели. Возможность быстро уйти, если что-то пойдёт не так.

Она набрала номер Коэна.

— Мы согласны. Но место выбираем мы.

Короткое молчание.

— Договорились. Где?

Амира посмотрела на карту Таиланда на экране ноутбука.

— Аюттхая. Древняя столица. Храмовый комплекс Ват Махатхат. Завтра в полдень. Открытое пространство, туристы, безопасность.

— Согласен. До встречи, доктор Хассан.

Глава 2. Аюттхая — руины и истины

Ват Махатхат был величественен даже в руинах. Обезглавленные статуи Будды, разрушенные ступы, знаменитая голова Будды, вросшая в корни дерева. Место древней силы и современного туризма.

Рассвет только начинался, туристов ещё не было. Только две группы, стоящие напротив друг друга среди камней и истории.

С одной стороны — Амира, Александр, Лоран, Тензин, Ксочитль, Саммон.

С другой — Элиас Коэн и пятеро его последователей. Включая Елену, которая избежала ареста в Камбодже и вернулась к нему.

Коэн был не таким, как Амира представляла. Меньше ростом. Старше — шестьдесят с чем-то, седые волосы, усталое лицо. Но глаза... глаза горели. Фанатичным огнём или отчаянием — трудно было сказать.

— Доктор Хассан, — он шагнул вперёд, не предлагая руку. — Благодарю, что пришли.

— Я пришла, чтобы понять, — ответила Амира. — Понять, как блестящий учёный становится... этим.

Коэн усмехнулся.

— "Этим"? Вы имеете в виду человеком, готовым изменить парадигму существования? Или сумасшедшим?

— И то, и другое.

— Справедливо. — Он прошёлся между разрушенных статуй. — Тогда позвольте рассказать историю. Моя дочь, Мириам, умерла три года назад. Ей было семнадцать. Лейкемия. Мы пробовали всё — химиотерапию, пересадку костного мозга, экспериментальные препараты. Ничего не помогло.

Он остановился у статуи обезглавленного Будды.

— В последний день, когда она умирала, она спросила меня: "Папа, я исчезну? Меня больше не будет?" — Голос Коэна дрожал. — И я сказал ей ложь. Я сказал: "Нет, детка. Ты будешь жить вечно. В моих воспоминаниях." Но воспоминания — не жизнь. Это эхо. Тень.

— Я понимаю вашу боль, — тихо сказала Амира. — Но...

— Нет, вы *не понимаете!* — Коэн развернулся, его голос эхом отразился от камней. — Никто не понимает, пока не теряет ребёнка! Это не просто горе. Это... пустота. Дыра в реальности, которая не заживает. Каждое утро ты просыпаешься и вспоминаешь заново. Каждый раз — как первый. Бесконечная петля боли.

Он подошёл ближе.

— После её смерти я начал исследовать. Древние тексты о воскрешении, реинкарнации, бессмертии души. И нашёл упоминания о Безымянном. О силе, которая существовала до богов. Силе, способной переписать реальность.

— Переписать реальность — не значит вернуть вашу дочь, — сказал Лоран. — Это значит создать иллюзию. Фан-

тазию.

— А разве мы не живём в иллюзии уже? — парировал Коэн. — Разве ваше "я" не конструкция? Нейронные паттерны, воспоминания, химия мозга. Измените паттерн — изменится "я". Так почему бы не изменить паттерн *всего мира*?

— Потому что у других людей есть право на их собственные паттерны, — вмешалась Ксочитль. — Вы хотите стереть восемь миллиардов идентичностей ради одной.

— Нет. — Коэн покачал головой. — Я хочу освободить восемь миллиардов людей от иллюзии отдельности. От боли потери. От страха смерти. Безымянный не уничтожит их — он *объединит*. Они станут частью чего-то большего. Бесконечного. Вечного.

— Как ваша дочь? — спросил Тензин мягко. — Она станет частью этого единства?

Коэн замер.

— Да. Её паттерн, её память, её сущность — всё будет сохранено в коллективном сознании. И я смогу... мы сможем... быть вместе. Навсегда.

— Но это будет не она, — Тензин шагнул вперёд. — Это будет копия. Эхо. То самое, что вы презираете.

— Лучше эхо, чем ничто!

— Нет. — Голос Тензина был твёрдым. — Хуже. Потому что эхо позволяет вам не принять потерю. Не отпустить. Не жить дальше.

Коэн смотрел на слепого монаха долгим взглядом.

— Вы когда-нибудь теряли ребёнка, монах?

— Нет. Но я потерял зрение. — Тензин коснулся своих белых глаз. — И знаете, что я понял? Что держась за память о свете, я не мог научиться видеть по-новому. Только когда я отпустил, принял тьму — я обрёл другое зрение.

— Вы сравниваете слепоту со смертью ребёнка?!

— Я сравниваю привязанность с освобождением. — Тензин сел на камень, его поза была спокойной. — Ваша дочь умерла. Это ужасная, несправедливая, невыносимая правда. Но она правда. И пока вы не примете её, вы будете пленником. Не она — *вы*.

Коэн молчал. Его руки дрожали.

— Я... я не могу принять. Не могу отпустить.

— Тогда вы уже мертвы, — сказала Ксочитль. — Вы стали тенью, как те люди в Теотиуакане. Которые прыгнули с пирамиды, улыбаясь. Потому что больше не были собой.

— Может, это и есть счастье, — прошептал Коэн. — Не быть собой. Не чувствовать боль.

— Тогда почему вы всё ещё здесь? — Амира подошла к нему. — Почему не отдали себя Безымянному уже? Один из аспектов мог взять вас. Превратить в пустоту. Но вы сопротивлялись. Почему?

Коэн посмотрел на неё. И в его глазах она увидела нечто неожиданное.

Стыд.

— Потому что я трус, — прошептал он. — Я хочу, чтобы

все страдали вместе со мной. Хочу, чтобы весь мир был в моей ловушке. Но сам... сам боюсь исчезнуть. Боюсь не увидеть конца. Не узнать, получилось ли.

Он опустился на колени среди руин.

— Я монстр. Я знаю. Но я не могу остановиться. Потому что если останавлиюсь — мне придётся жить. Дальше. Без неё. И это невыносимо.

Долгая тишина.

Затем Амира присела рядом с ним.

— Доктор Коэн. Элиас. — Она положила руку на его плечо. — Я не могу вернуть вашу дочь. Никто не может. Но я могу предложить вам выбор.

— Какой?

— Остановиться. Сейчас. Не проводить ритуал. Отдать фрагменты нам. И вместо уничтожения мира... почтить её память. Создать фонд. Исследовательский центр по борьбе с детской лейкемией. Спасти других Мириам. Чтобы её смерть имела смысл.

Коэн смотрел на неё. Слёзы текли по его лицу.

— Вы... вы думаете, это поможет?

— Не знаю. Но это лучше, чем апокалипсис.

Он начал кивать. Медленно. Словно человек, просыпающийся от долгого кошмара.

— Может быть... может быть, вы правы...

И тогда Елена шагнула вперёд.

— Нет.

Все повернулись к ней.

— Элиас, — её голос был холодным, — ты забываешь. Это не только твоя боль. Это наша. Моя. Каждого здесь.

Она указала на других членов команды Коэна. Мужчина средних лет с фотографией в кармане — жены, судя по всему. Молодая женщина с пустым взглядом. Пожилой азиат с шрамом на запястье.

— Мы все потеряли кого-то. Все пришли к тебе, потому что обещал вернуть. И теперь, на пороге успеха, ты хочешь сдаться? Из-за слов?

— Елена...

— Нет! — Она выхватила нож. Не ритуальный — обычный, стальной, очень острый. — Если ты не проведёшь ритуал, проведу я. У меня есть координаты. Есть доступ к фрагментам, которые ты собрал. И есть люди, готовые следовать до конца.

Коэн встал.

— Елена, пожалуйста. Это безумие...

— Безумие — это жить без Алексиса! — Она начала отступать к своим людям. — Завтра. Равноденствие. Координаты ты знаешь — 29.2° северной широты, 30.8° западной долготы. Подводные руины. Место Начала.

— Ты не сможешь провести ритуал без седьмого фрагмента!

— Тогда я заберу его. — Елена кивнула своим людям. Они начали окружать команду Амиры.

Но Коэн встал между ними.

— Нет. Достаточно. — Он повернулся к Елене. — Я создал этот кошмар. Я втянул тебя, вас всех. И я должен остановить его.

— Отойди, Элиас.

— Нет.

Елена смотрела на него долго. Затем улыбнулась. Грустно.

— Тогда прости меня.

И ударила.

Коэн не успел увернуться. Нож вошёл в бок, глубоко. Он охнул, упал на колени.

— Элиас! — Амира бросилась к нему, но люди Елены преградили путь.

— Седьмой фрагмент, — голос Елены был механическим. — Отдайте добровольно, или мы возьмём силой.

Ксочитль выхватила обсидиановый нож. Александр поднял камень. Тензин начал петь защитную мантру.

Началась драка.

Но это была не битва. Это была резня.

Люди Елены были отчаявшимися, но не воинами. Ксочитль дралась с яростью ягуара. Александр, несмотря на возраст, двигался с удивительной скоростью. Саммон использовал технику тайского бокса. Даже Лоран, академик, сражался с отчаянной храбростью.

Через минуту трое людей Елены лежали на земле, раненные или без сознания.

Елена отступила, схватила Коэна за шиворот.

— Последний шанс! Фрагмент — или он умирает!

Амира замерла. Коэн истекал кровью, его лицо было бледным.

— Не... не отдавайте, — прохрипел он. — Пусть я умру... но остановите её...

— Заткнись, — Елена приставила нож к его горлу.

И тогда Тензин сказал:

— Возьми меня вместо него.

Все замерли.

— Что? — Елена нахмурилась.

— Я отдам тебе фрагмент. Добровольно. И пойду с тобой к руинам. Буду участвовать в ритуале. — Тензин шагнул вперёд. — Но ты отпустишь Коэна. Позволишь им спасти его.

— Тензин, нет! — Ксочитль схватила его за руку. — Ты не можешь...

— Морос показал мне судьбу, — Тензин улыбнулся. — Где один из нас становится пустотой. Я всегда знал, что это буду я. Слепой монах, который научился видеть по-другому. Возможно, я единственный, кто может войти в Безымянного... и вернуться.

— Это самоубийство.

— Это необходимость. — Он повернулся к Амуре. — Доктор Хассан. Вы возьмёте команду. Доберётесь до руин. И когда я создам открытие изнутри... вы произнесёте Первое Слово наоборот. Антифазу. Уничтожите его.

— Мы не знаем, как создать антифазу...

— Лоран знает. — Тензин кивнул французу. — Ты физик.

Ты акустик. Ты поймёшь.

Лоран молчал. Затем медленно кивнул.

— Я попытаюсь.

Елена смотрела на Тензина подозрительно.

— Почему ты это делаешь?

— Потому что я понимаю твою боль. И не хочу, чтобы ты стала тем, чего сама боишься. — Тензин протянул руку. — Отпусти Коэна. Возьми меня. Заключим сделку.

Долгая пауза.

Затем Елена отпустила Коэна. Он рухнул на землю. Амира и Александр бросились к нему, начали останавливать кровь.

Елена схватила руку Тензина.

— Если попытаешься обмануть...

— Я монах. Мы не лжём. — Тензин улыбнулся. — Увидимся в руинах, друзья мои. Постарайтесь не опоздать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.